

А. РЕЙНМАРУС
ПРИЗЕН

289

Р-514.

МЕННОНИТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. ГЕБГАРТ

АНЦ. ИЗД. О-ВО. БЕЗБОЖНИК.

Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР.

А. РЕЙНМАРУС и Г. ФРИЗЕН

М Е Н Н О Н И Т Ы

(КРАТКИЙ ОЧЕРК)

под редакцией
И. ГЕБГАРТА

А К Ц И З Д - О - В О
«БЕЗБОЖНИК»
МОСКВА 1930

ВВЕДЕНИЕ.

Кто такие меннониты?

Секта меннонитов является одной из своеобразных ветвей анабаптизма, этого значительного религиозного движения первой половины XVI века в Западной Европе. Поскольку это движение являлось одной из форм классовой борьбы разорявшегося крестьянства и ремесленников против своих феодальных господ и католической церкви, оно было революционным.

Религиозные взгляды анабаптистов состояли в следующем. Зависимость церкви от государственной власти считалась совершенно несовместимой с учением Христа. Анабаптисты не считали также возможным добиться спасения одной верой, как учил реформатор Лютер. Для спасения необходимы добрые дела, а еще лучше, по подобию первых христиан, отрицание частной собственности. Кроме того, они придавали большое значение «внутренним откровениям», ставившиеся ими выше священного писания; даже Нового Завета. «Настоящего, живого откровения надо искать в разуме, оно существовало во все времена и у всех народов, существует и в настоящее время». (Франц Меринг «История Германии с конца средних веков», стр. 48). Отсюда вытекала большая роль пророчеств, а также почти полное отрицание внешних обрядов — икон, распятия и даже самой церкви. Некоторые из сект отрицали даже божественное происхождение Христа. В «причастии» они отрицали пресуществление «хлеба и вина» в тело и кровь Христа, а признавали их лишь символами. Крещение они признавали лишь взрослых, сознательно, к нему относящихся лиц. Детское же крещение отрицали, считая его просто «купаньем в ванне», почему вступающие в эту секту подвергались «перекрещению». В связи с этим секта анабаптистов получила название «перекрещенцев».

Анабаптисты не признавали присяги, суда, военной службы, войны.

Социально-исторические корни анабаптизма таковы. В связи с переходом от натурального хозяйства к денежному на крестьянство обрушилась невероятная нужда, вызвавшая уже а конце XV века ряд местных восстаний в южной Германии, которые, однако, все были подавлены. Реформация в начале XVI века вскопала крестьянские массы до самого основания. Она, однако, оказалась полезной лишь господствующим классам и укрепила власть князей в Германии. Интересы крестьянства и других обездоленных классов не нашли себе удовлетворения, встретив жестокий и беспощадный отпор. Вспыхнула крестьянская война (в 1525 г.). Глубокое невежество масс

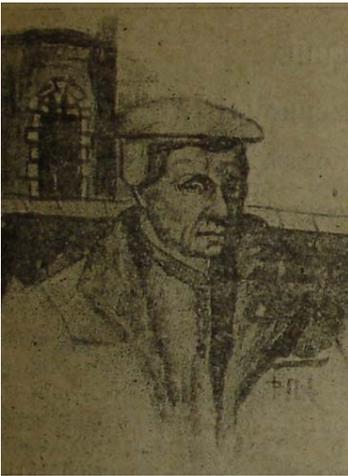

Рис. 1.
Томас Мюнцер, вождь
восставших крестьян.

привело к тому, что вожди крестьянского движения вложили свое учение в "религиозные формы и видели единственный путь к достижению определенных социально-экономических и политических целей в насильственном, революционном установлении «царства божия на земле».

С особенной силой это имело место в учении предводителя саксонско-тюрингского восстания крестьян — Томаса Мюнцера. Мюнцер выдвигал коренное переустройство всего социального строя, так как и при господствующей римской церкви и при государственной реформаторской трудящиеся классы населения оставались в бесправии и в кабале у господствующих классов. Мюнцер хотел основать на земле «царство божие для трудящихся и обремененных». Это учение Мюнцер облакал во все те религиозные формы, которые были характерны для анабаптизма.

Руководимые Мюнцером восстания не привели, как и вся крестьянская война, к освобождению от феодально-церковного гнета. Мюнцер и тысячи его последователей были убиты и казнены жесточайшим образом. Но это все же не остановило

движения, оно в измененных формах продолжало существовать и разворачиваться, и в виде уже окончательно оформившегося анабаптизма перебралось в Нидерланды, Австрию, Англию и другие страны. Правительство, однако, беспощадно расправлялось с анабаптистами, несмотря на мирный характер движения.

Вот что Франц Меринг пишет о последовавших за крестьянской войной преследованиях анабаптистов: «Эпилогом крестьянской войны были кровавые преследования и искоренение перекрещенцев. Они разделяли коммунистические воззрения Мюнцера, но отличались от него тем, что не одобряли его политики насилия и были настроены чрезвычайно миролюбиво. Однако, хотя они отказывались идти войной против государства, они в то же время не хотели и слышать ни о государстве, ни о церкви. Свое название — анабаптисты, перекрещенцы — они получили оттого, что отвергали крещение, которому церковь подвергала новорожденных младенцев. Они требовали повторного крещения или, точнее, крещения в более позднем возрасте, когда человек становится взрослым и мыслящим существом. И, если для современных баптистов это требование является мертвым догматом, религиозной причудой, то тогда это была революционная программа, которая приводила господствующие классы в трепет»¹⁾.

В Германии за повторное крещение была назначена смертная казнь посредством сожжения на костре. Всюду запылали костры, и в короткое время перекрещенцы в Германии были искоренены или же изгнаны в другие страны. Эти преследования привели в конце концов к тому, что нидерландские перекрещенцы решили защищаться теми же средствами, которыми их преследовали, т.-е. оружием. Среди этих попыток к отпору особенно выделяется восстание в городе Мюнстере (Вестфалия). Вождями этого восстания были Иоганн Лейденский, бывший портной, и Ян Матис, пекарь из Гарлема. При поддержке городской бедноты анабаптистам удалось захватить город в свои руки и основать государство «Новый Иерусалим», где были осуществлены некоторые коммунистические начала: трудовая повинность, экспроприация части орудий производства и предметов потребления, организация потребления на коллективных началах и т. д. Однако, вскоре (в 1534 году) Мюнстер был осажден войсками местного епископа и князей и отрезан от остального мира. После упорного сопротивления и героической защиты коммуна анабаптистов пала, просуществовав 16 ½ месяцев. Все анабаптисты

¹⁾ Франц Меринг «История Германии с конца средних веков», стр. 53—54. Издательство «Красн. Новь», Москва, 1923.

были перебиты или казнены с самыми жестокими пытками.

Катастрофа в Мюнстере еще более упрочила за анабаптистами славу «бунтарей» и «мятежников» и еще более усилила гонения на них.

В этот момент жесточайших гонений на анабаптистов возникает в анабаптизме новое, реакционное направление, восставшее против революционности анабаптистов. К нему примкнули преимущественно зажиточные крестьяне, торговцы и т. д., одним словом, элементы, которые притеснялись господствующими классами, но в то же время бывшие чуждыми той революционности, которая охватила крестьянские низы и городскую бедноту. Наиболее ярким выразителем этого направления был бывший католический священник Менно Симонс (1492 — 1559), проповедывавший свое учение в Голландии, Западной Германии, Фрисландии и т. д. От его имени и секта получила название меннонитов.

Рис. 2.
Менно Симонс, основатель
секты меннонитов

Как уже сказано, установка секты меннонитов с самого начала носила ярко выраженный реакционный характер. В своем существе секта меннонитов имеет те же религиозные основания, что и анабаптизм, но на практике меннониты противопоставляли себя анабаптистам и постоянно подчеркивали, что они не имеют ничего общего с последними. Последователей Томаса Мюнцера и мюнстерских анабаптистов они называли не иначе, как «бандой». Вот что говорит сам Менно Симонс о своем отношении к этой «банде»: «пусть меня взаправду никто не обвиняет в том, что я когда бы то ни было соглашался с учениями мюнстерцев, наоборот я против них боролся». И так учение меннонитов осталось и по сегодняшний день одним из реакционнейших течений в сектантском движении.

Менно все убеждал своих последователей «претерпевать гонения, не прибегая к мечу», что как раз и явилось реакционным отступлением от тактики анабаптистов, прибегавших в крайних случаях к оружию.

Правительство меннонитами признается лишь временным учреждением, которому, однако, надо подчиняться, отказываясь носить оружие и убивать людей, хотя бы и на войне. Из этого вытекает важнейший пункт в учении меннонитов: запрещение отбывания воинской повинности и занятия правительственных должностей. Подобно анабаптистам, меннониты признают лишь крещение взрослых и отрицают внешние обряды.

Меннонитов в Нидерландах преследовали так же, как и анабаптистов, с которыми их продолжали смешивать. Их сжигали, подвергали пыткам и т. д. И поскольку к меннонитской секте примыкали преимущественно состоятельные крестьяне, мелкие торговцы и т. д., одним словом, элементы, стоявшие между двумя основными боровавшимися группами и встречавшие недружелюбное, а то и враждебное к себе отношение с обеих сторон, то они с радостью приняли предложение польского короля Сигизмунда переселиться в Польшу, где им была отведена местность около Данцига, так называемая Мариэнвердерская низменность в устьях Вислы. Польша предоставила меннонитам религиозную свободу, освободила их от военной службы и наделила их разными вольностями и правами.

В это время меннониты смешались с немецким населением Пруссии, в то время еще принадлежавшей Польше. Мы обращаем особенное внимание на этот факт, ибо, как видно будет из дальнейшего, меннониты в России неоднократно, по разным причинам, подчеркивали свое якобы чисто голландское происхождение. На самом же деле меннониты в отношении культуры и языка являются немцами, в национальном же отношении — смешением элементов голландской, немецкой и, в незначительной мере, польской народностей.

Так они жили около двух столетий до первого раздела Польши (1772 г.), при котором город Данциг был выделен в самостоятельную единицу, которая рано или поздно должна была стать прусской.

Положение меннонитов, оставшихся при городе Данциге, сразу же стало изменяться к худшему. В 1789 году данцигский магистрат вынес постановление о воспрещении меннонитам покупки земель. Изменения этого положения нельзя было ожидать и при переходе Данцига под владычество Пруссии. Данцигских меннонитов пугало «прусское ярмо», знакомое меннонитам, оказавшимся в местности, отошедшей при названном разделе к Пруссии. Там, например, в 1770 г., к ряду ограничений прав, меннониты взамен воинской повинности обязывались уплатить годовую подать в 5.000 талеров, а через 9 лет их также лишили права приобретать земельную собственность.

Таким образом меннониты Данцигской области были с одной стороны уже стеснены в земельной площади, а возможность попасть в «прусское ярмо» еще хуже могла отразиться на их будущем.

Узнав об этом положении меннонитов в Данцигской области, русское правительство Екатерины II, пользовавшееся всяким удобным случаем для вызова к себе переселенцев, отправило к ним уполномоченного Траппе и сделало им предложение о переселении в Россию.

Предложение это было принято меннонитами, но они поставили целый ряд условий и требований. В результате русское правительство дало меннонитам и их потомкам следующие правовые и экономические привилегии: 1) свободное отправление религиозных обрядов; 2) освобождение от отбывания воинской повинности; 3) наделение каждой меннонитской семьи землей в размере 65 десятин; 4) десятилетнее освобождение от всех податей; 5) выдача на каждое хозяйство беспроцентной десятилетней ссуды в 500 рублей и т. д. и т. д.

Что побудило царское правительство предоставить меннонитам такие выгодные условия для поселения?

В XVIII веке Россия завоевала весь юг нынешней Украины. Русскому торговому капиталу и украинским помещикам необходимо было закрепить за собой эти необъятные степи. Этой цели препятствовали волнения украинского крестьянского населения и разбой на торговых путях. Ясно, что переселением крепостных крестьян из Центральной России нельзя было преодолеть названные препятствия, стоявшие на пути к полному овладению краем. Целям и задачам захватнической политики русского государства как нельзя лучше соответствовала колонизация края земельными собственниками, которые явились бы надежной опорой правительства и способствовали бы проникновению в край торгового капитала. Меннониты же были в большей своей части состоятельными сельскими хозяевами, отвечавшими тем требованиям, которые предъявлялись со стороны царского правительства к колонистам юга России.

Меннонитские историки обыкновенно изображали переселение так, что якобы только представленные Россией меннонитам религиозные льготы побудили их покинуть Мариэнвердерскую низменность. Но это далеко не так. Выше мы уже указывали на тот факт, что меннонитов в Данциге и Пруссии не удовлетворяло их экономическое положение. Освобождение от воинской повинности (на «вечные времена»), обещанное русским правительством, является, конечно, известной причиной переселения меннонитов, но меньшее значение меннониты придавали и обещанным им 65-ти

десятинам удобной земли и многочисленным хозяйственным и правовым привилегиям.

Переселение началось в 1789 году. В этом году в Екатеринославскую губернию прибыла группа меннонитов в 223 семейства, которая положила основание Хортицкой группе колоний у Днепра. Вторая группа (118 семейств), поселившаяся там же, прибыла в 1793—96 гг. Несколько позже, в 1804 г., новыми переселенцами (уже из Пруссии) были основаны колонии в бывш. Таврической губернии на реке Молочной (Молочанский район). В этом году возникло 18 колоний. Но вслед за этим пошли еще новые волны переселенцев, так что в 1860 г. число колоний в этом районе дошло уже до 50. Последние переселения меннонитов имели место в 1855—65 гг. теперешнюю Область Немцев Поволжья (Кеппентальский район) и в Мелекесский и Бузулукский уезды бывш. Самарской губернии.

В заключение следует отметить различное имущественное положение различных переселенческих групп. Меннониты, основавшие Молочанский район, были зажиточнее хортицких, и потому эта группа колоний развивалась быстрее, нежели хортицкая. Еще состоятельнее были последние переселенцы— саратовские и самарские меннониты. Царское правительство впустило этих меннонитов под условием, чтобы каждая из переселяющихся меннонитских семей внесла «в обеспечение водворения» в русскую миссию в Берлине по 300 талеров, которые возвращались им на месте водворения переселенца. Ясно, что на этих условиях переселялись лишь зажиточные крестьяне. Не даром процент кулаков в этих колониях ныне ошбенно велик.

ГЛАВА I.

Меннониты в России.

Мариенвердерская низменность в устьях Вислы, где меннониты жили до своего переселения в Россию, представляла из себя в XVI веке болота, пески и солончаки; местность эта часто затоплялась водой из Вислы или моря и была совершенно непригодна для ведения сельского хозяйства. С величайшим трудом меннониты шаг за шагом отвоевывали землю у моря, Вислы и болот с помощью плотин, ограждая местность от наводнений, осушая болота, выводя пески и солончаки, превращая, наконец, всю эту низменность в плодороднейший и богатейший в стране район. Вся эта хозяйственная деятельность являлась школой, заставлявшей их вести сельское хозяйство образцово.

Со всем этим опытом меннониты пришли в Россию. Не удивительно поэтому, что меннониты сравнительно быстро пошли в гору. Они и здесь, т.-е. в России, сумели приспособиться к природным условиям, повести более рациональную обработку почв и выработать тип хозяйства более выгодный, чем хозяйство остального населения.

Известную положительную роль в этом хозяйственном росте меннонитских колоний в течение первых десятилетий играла также религия. В это время секта еще не давала трещин и представляла из себя крепко спаянную и закаленную в результате долгих гонений религиозную общину. Широкое пользование принципами взаимопомощи и коллективный труд были в значительной степени следствием религиозной сплоченности. На этой же особенности меннонитов базировались различные благотворительные институты: попечительство сирот, помощь погорельцам, больницы, приюты для престарелых, воспитательные дома для глухонемых и т. д. Все эти факты способствовали экономическому подъему меннонитских

колоний, но, с другой стороны, они же содействовали одурачиванию, бедноты. В дальнейшем, когда среди меннонитов началось расслоение на классы, религия стала исключительно орудием в руках верхушки — зажиточных крестьян, помещиков и промышленников — для борьбы с беднотой.

Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что не будь у меннонитов всех тех хозяйственных привилегий и по 65 дес. удобной земли на хозяйство, о чем говорилось выше, они никогда бы не развились с такой значительной быстротой. Убедительную картину о земельном богатстве меннонитов дают некоторые статистические данные, относящиеся уже к 1910 г. В это время в России насчитывалось 80.000 меннонитов, а в их руках находилось 800.000 десятин земли. На едока, следовательно, приходилось по 10 десятин.

Но не следует думать, что эти 800.000 десятин были распределены равномерно. Уже скоро после переселения среди меннонитов, в результате проникновения капитализма в меннонитские колонии, началась дифференциация на помещиков, зажиточных крестьян, середняков и безземельных. В 1910 году в руках 275 помещиков лишь трех меннонитских волостей (Гальбштадтской, Гнаденфельдской и Хортицкой — в бывш. Таврической и Екатеринославской губерниях) находились 202.000 дес. земли. Некоторые из этих помещиков обладали 10,000, 15.000 и даже 18.000 десятин.

С другой стороны, имелась масса безземельных: в 1841 г. в Молочанских колониях безземельных было 1.700, а хозяйств, имевших землю, только 1.033; в 1867 году земельных было — 1.612 а безземельных — 2.617. Чем было вызвано такое положение?

Во-первых, в меннонитских колониях из года в год увеличивалась концентрация земельных наделов в руках отдельных зажиточных крестьян. Эта концентрация имела место в силу обеднения части меннонитских крестьян и продажи ими своих земельных наделов. Далее, часто земля наследовалась дочерью; при выходе их замуж эта земля сливалась с земельной собственностью мужа, в результате чего возникала крупная хозяйственная единица.

Во-вторых, весьма важную роль в процессе дифференциации меннонитов на безземельных и более или менее крупных земельных собственников играло меннонитское право наследования, вывезенное ими из-за границы. Оно заключалось в следующем: «Двор-хозяйство меннонита (т. -е усадебная оседлость, необходимый для ведения хозяйства, рабочий инвентарь, право выпаса) при существовании общественного выгона (и полевой надел) по праву наследования никогда не делится; он, как нечто цельное, переходит

в единоличное потомственное пользование того или другого из прямых наследников, который признан наиболее благонадежным для успешного продолжения хозяйства» (цитировано из книги А. Клауса «Наши колонии», стр. 159).

Такой обычай наследования при разделах у меннонитов не вел к дроблению хозяйства. Русское правительство, которое было заинтересовано в том, чтобы меннонитские хозяйства оставались «крепкими», оставило меннонитам это право.

Меннониты, стало быть, стремились к тому, чтобы земельные участки отца наследовались одним сыном, обычно ведущим с отцом хозяйство. Но является вопрос — куда же девались сонаследники — сыновья, не получившие земли по наследству? Они то, главным образом, и превращались в безземельных.

В этих условиях конечно, должны были развеваться классовые противоречия. Безземельные были абсолютно бесправны, по налог и подати им приходилось платить, как всем остальным. Все административные посты были заняты лицами, имеющими право голоса, т.-е. зажиточными крестьянами. Долгие годы безземельные просили о предоставлении им земли и права голоса, но все наталкивались на сопротивление, помещиков, зажиточных крестьян и духовенства. Вся «любовь к ближнему», солидарность и взаимопомощь бесследно исчезли. Религия сделалась могучим орудием в руках имущих для подавления недовольства безземельных.

Так называемое меннонитское «самоуправление» служило исключительно интересам верхушки. Религиозная обособленность, замкнутость и глубокая религиозность, которая искусственно воспитывалась в каждом менноните, превратилась в руках помещиков и богачей в прекрасное средство для улаживания всяких споров и недоразумений социально-экономического характера в рамках религиозных общин, которые находились на поводу у меннонитской верхушки. Меннонитский безземельный или бедняк, которому с самого детства твердили, что меннониту воспрещается занятие правительственных должностей, который и в крупнейшем помещике в первую очередь видел меннонита и члена своей религиозной общины, охотнее терпел все несправедливости и притеснения, вместо того, чтобы жаловаться на меннонитов-богачей русским властям или искать разрешения социальных проблем совместно с русским крестьянином-бедняком.

В этих условиях проявление классовых противоречий сильно тормозилось. Но вечно так продолжаться не могло. Правовое и классовое чувство безземельных наконецто должно было пробить брешь в железной стене меннонитских традиций и порядков.

При глубоком религиозном невежестве меннонитов и теснейшей связи их религиозной жизни со всем социально-бытовым укладом и экономикой этот прорыв мог случиться лишь в религиозной форме. Подобно тому, как предшественники меннонитов — анабаптисты — вели классовую борьбу против феодалов и духовенства под религиозными лозунгами, так и теперь борьба безземельных и бедняков за землю и демократию приняла форму новых религиозных течений. От единой меннонитской церкви начали откалываться новые секты. Так возникла секта прыгунов. Это течение началось в 1855 г. в районе Хоротицы. Прыгуны ввели несколько новых ритуалов (как, например, крещение под открытым небом, прыганье во время молитвы на религиозных собраниях, откуда и их название, и другие глупости), но в основном они боролись против совета духовных старшин, который самочинно управлял меннонитами и разрешал все их как религиозные, так и хозяйственные дела. Этот совет был не чем иным, как средством борьбы класса имущих против безземельных. Выступление прыгунов вызвало еще более сильную реакцию со стороны церковных правителей и состоятельных хозяев. Царская полиция всецело поддерживала последних. На прыгунов посыпался град церковных и гражданских наказаний: их карали церковным отлучением, денежными штрафами, принудительными работами, арестами и даже порками.

В это же время возникла так называемая " меннонитская братская община, представляющая ныне одну из крупнейших меннонитских сект. История возникновения этого течения несколько сложнее и запутаннее. Среди вызвавших его причин одно из первых мест занимало недовольство тогдашним меннонитским церковным аппаратом. Последний приобрел, как мы видели, исключительную власть во всех делах; вместе с тем церковный фанатизм усилился до неслыханных размеров. Параллельно с этим шло окостенение всей религиозной жизни. Глубокая религиозность первых времен бившая больше на чувства, уступала место грубому фанатизму. Представители нового течения выступали под лозунгом борьбы с «окостенением», возвращения к прежнему «меннонитскому благочестию» и требовали для «истинно верующих, к которым они себя причисляли, права организации особой общины.

Господствовавшая старо-меннонитская церковь выступила самым ярким образом против новой секты. Когда все церковные методы борьбы (отлучение, прекращение всяких сношений с «еретиками» и т. д.) не оказывали больше никакого воздействия, то решили прибегнуть к административным мерам. Вожди нового течения лишались имущества, подвер-

гались аресту и целому ряду других ничего общего с «христианской этикой» не имеющих наказаний. Когда приверженцы новой секты все-таки образовали свои общины, выбрали своих проповедников и поручили им вести все церковные дела, то «церковники», т.-е. приверженцы старой меннонитской церкви, объявили брак между лицами новой секты недействительным, а детей от такого брака «незаконнорожденными». Церковь и волостные управления доносили вышестоящим русским властям, что члены «братской общины» — общественно-опасные и разрушающие существующий государственный строй элементы. Волостные управления не допускали собраний «братьев», основываясь на, запрещении тайных (!) собраний.

Преследования «братской общины» имели место лишь потому, что в основе этого движения лежали те же социальные причины, которые вызвали движение прыгунов. Когда «церковники» говорили о «братьях» как о нарушителях «порядка», то они со своей точки зрения были правы. Церковный раскол означал для имущего класса ослабление церкви, как средства для подчинения себе безземельных и бедняков. Движение это было тоже в значительной мере результатом недовольства безземельных. И не случайно, что «братская община» первое время состояла почти исключительно из безземельных и деревенской бедноты. Впоследствии, когда «братская община» была легализована министром внутренних дел, эта разница в социальном составе обеих крупнейших сект изгладилась.

Царское правительство вначале не обращало никакого внимания на бедственное положение бедняков и безземельных и совершенно не реагировало на бесчисленное множество заявлений и прошений, на которые в конце концов решились последние. Но когда движение безземельных вылилось в новые религиозные течения, которые правительству казались революционными, когда началась открытая борьба между имущими и деревенской беднотой, когда казалось, что это движение может переброситься на окружающее русское и украинское население, тогда правительство сочло нужным вмешаться в дела меннонитов. Пришлось административным порядком урегулировать создавшееся положение. Правительство предложило для расселения безземельных новые свободные земли на Кубани, Тереке и в других местах. В целях предупреждения волнений царское правительство принудило имущих меннонитов самих позаботиться о регулировании вопроса о безземельных. И, действительно, средства и пути нашлись.

Таким образом началось то переселение меннонитов, в результате которого за время от 60-х годов прошлого столетия

вплоть до империалистической войны меннонитскими колониями были заселены Северный Кавказ, Западная Сибирь, Туркестан и т. д. и т. д. Новые колонии назывались «дочерними», старые же — «материнскими». В большинстве случаев дело происходило так, что общины «материнских» колоний сами, на свои средства, приобретали землю для «дочерних» колоний. Число колоний быстро увеличивалось: к началу империалистической войны «дочерние» колонии имелись в следующих местах (см. также приложение III):

1. В Екатеринославской губернии (в уездах Александровском, Бахмутском, Мариупольском, Ново-Московском) наряду со старыми колониями.

2. В Таврической губернии, в Молочанском районе, где «дочерние» колонии выросли по соседству с «материнскими» колониями.

3. В местности Ташенак в южной части Мелитопольского уезда (Таврической губ.), где было основано много отдельных поместий и хуторов.

4. В Крыму (Симферопольский уезд).

5. В Кубанской области, на Тереке и в Ставропольской губ.

6. В Оренбургской губернии.

7. В Самарской губернии, наряду с «материнскими» колониями.

8. В Саратовской губернии (Аркадской волости).

9. В Уфимской губернии (в районе Давлеканова).

10. В Западной Сибири (около Омска, затем в Павлодарском уезде, Семипалатинской губ., и в Славгородском уезде, Омской губернии).

11. В Туркестане (в Семиречье, недалеко от города Алиэ-Ата, и в Хиве)¹⁾.

Кроме того, более мелкие группы колоний имелись в ряде других губерний.

Результатом выселения безземельных было временное ослабление классовой борьбы в меннонитских колониях. Капиталистическое развитие меннонитских колоний, однако, не могло остановиться благодаря этой мере. Классовое расслоение продолжалось и далее. Неуклонно рос зажиточный крестьянин и помещик. Мы уже видели, что в 1910 г. в трех только волостях помещики владели 202.000 дес. земли. Имеются еще данные 1915 года. В это время насчитывалось до 400 помещиков. В их руках находилось около половины

¹⁾ Переселение в Туркестан происходило из Кеппентальского района (современная- Область Немцев Поволжья); причиной послужило образование новой секты. Об этом см. ниже.

(500.000 дес.) принадлежавшей меннонитам земельной площади (1.000.000 дес.). Разница между этими новоиспеченными меннонитскими помещиками и теми русскими, у которых приобреталась земля, состояла в том, что первые начали обрабатывать свои поместья по всем правилам капиталистического сельского хозяйства, нанимая в батраки русских и украинских бедняков.

Работа у меннонитов-помещиков и зажиточных крестьян была дьявольски трудна. Обращение с рабочими отличалось скотской грубостью. Вот несколько фактов. Батраков, как правило, заставляли жить в конюшнях вместе со скотом, кормили их отдельно и уж определенно не господскими блюдами. За малейшие проступки батраков били кнутом. Работа шла с самого раннего утра до позднего вечера. Здесь у русских и украинцев и зародилась та ненависть против меннонитов, которая во время гражданской войны привела к зверским налетам банды Махно на меннонитские колонии.

На противоположном полюсе общества стояли меннонитский сельский полупролетариат, крестьяне-бедняки и бедняки-ремесленники. Всему этому слою жилось страшно скверно. Крестьянской бедноте приходилось пользоваться арендованной землей. Арендовалась она у богачей-крестьян и помещиков. За десятину взималась плата в размере 90 р. Нарождались опять безземельные. Некоторые выселялись, другие же пролетаризировались.

В это же время у меннонитов начинает развиваться промышленный капитализм. Эксплуатация наемного труда была для помещиков источником накопления капитала. Так как цены на землю росли, хлебные же цены падали, то многие помещики перестали помещать капиталы в сельское хозяйство, направляя их на более выгодное дело: производство сельскохозяйственных машин и обработку сельскохозяйственных продуктов. Так возникли обе важнейшие отрасли меннонитской промышленности: громадные мукомольные мельницы и заводы сельскохозяйственных машин. Крупнейшие мельницы и заводы строились в самих колониях. Выделяются мельницы в Гальбштадте-Молочанске, Вальдгейме-Лесном, и т. д. Заводы сельскохозяйственных машин росли как грибы. Заводы Леппа и Вальмана в Александровске — Хортице, Коопа в Александровске, Нейфельда в Вальдгейме, Франца и Шредера в Ново-Гальбштадте достигали миллионных оборотов в год.

Меннонитские районы были, однако, слишком малы для приложения всего накопившегося капитала меннонитских богачеев. Меннонитские капиталисты начали строить мельницы,

фабрики в заводы по всей южной России. В качестве иллюстрации экспансии меннонитского капитала можно указать на тот факт, что юго-восточная железная дорога на большом протяжении была усеяна меннонитскими промышленными предприятиями. Вот этот участок дороги с перечислением следовавших друг за другом станций и меннонитских предприятия на них:

Каменская — мельница,

Глубокая—маслобойный завод.

Тарасовка — мельница и маслобойный завод.

Миллерово — 4 мельницы, 1 маслобойный завод и 2 чугунолитейных завода.

Мальчевская — мельница и маслобойный завод.

Шептуховка — маслобойный завод.

Кантемировка — 4 мельницы и 1 маслобойный- завод.

Сагуны — маслобойный завод.

Острогожск — мельница.

То же самое имело место на железных дорогах Екатери-нославской и Таврической губерний.

Образовалась значительная прослойка промышленников-капиталистов ¹⁾.

Во всех перечисленных предприятиях были заняты тысячи рабочих, среди которых имелись и меннониты. Этот меннонитский пролетариат уже не верил слепо меннонитским принципам, согласно которым он должен был бы видеть в своем нанимателе-капиталисте в первую очередь меннонита, своего человека. Многие из меннонитских рабочих-революционизировались, делались безбожниками. Работая вместе с русскими рабочими, они выходили из рамок пресловутой меннонитской обособленности и принимали даже участие в забастовках. Когда революция 1905 года докатилась и до южной Украины, многие из меннонитских рабочих участвовали в революционных выступлениях. После поражения революции это им закрыло доступ на прежнюю работу; пришлось покинуть старые колонии и тоже переселиться в новые места. Авторам известна одна сибирская колония (село Милорадовка, Павлодарского уезда, Семипалатинской губернии), почти сплошь состоящая из бывших вальдгеймовских ²⁾ рабочих.

Но что означала эта горсть сельского и промышленного пролетариата по сравнению с основной середняцкой и зажиточной массой меннонитского крестьянства! Процент бедня-

1) Среди них имелись настоящие Рокфеллеры. Многие читатели вероятно, слышали о меннонитском богаче Нибуре, сколотившем себе многомиллионное состояние.

2) Вальдгейм (Леонов) — крупная колония Молочанского района.

ков был сравнительно мал. С беднотой и безземельем продолжали бороться путем выселения в другие края, где бывшие безземельные обычно тоже превращались в обеспеченных и довольных середняков, а подчас и в весьма зажиточных крестьян. После такого разрешения вопроса с безземельных последние уже не нарождались в таком большом количестве, как прежде. Во всяком случае, беднота, безземельные и пролетариат не представляли большой опасности для основной обеспеченной части крестьянства, которая всецело находилась под влиянием «троицы» в составе буржуазии, помещиков и духовенства. Эти обеспеченные слои были консервативны до мозга костей и выше всего ставили наживу и меннонитские традиции, меннонитскую замкнутость и косность, исключавшую какой бы то ни было общественный прогресс.

Причиной этой замкнутости послужили не знающая границ узко сектантская религиозность и первоначальное превосходство меннонитов в хозяйственном и культурном отношении над остальным населением. Интересно отметить, что меннониты обособлялись не только от русского, во и от немецко-колониетского (лютеранского и католического) населения, вызывая тем и со стороны последнего недовольство. В дальнейшем мы увидим, что это привело к культурному застою и окостенению среди меннонитов.

Познакомимся несколько ближе с тем мирком, в который меннониты замкнулись как улитка в раковину. С внешней стороны меннонитская церковь и общественная жизнь кажутся необычайно демократичными. Проповедники, старосты и духовные старшины избирались, бедняк и богач казались равноправными. Но на самом деле это была насквозь лживая и формальная демократия; вся власть фактически находилась в руках помещиков, буржуазии и духовенства. Как церковь, так и все благотворительные учреждения являлись средством одурачивания и эксплуатации бедноты в руках верхушки.

Нигде религии не удавалось так легко служить интересам буржуазии и помещиков, как у меннонитов. Пользуясь своим влиянием на основную состоятельную часть меннонитского Крестьянства, помещики и промышленники сами избирались на разные церковные должности и, такта образом, представляли капитал и духовенство в одном лице. Что же касается тех проповедников, которые выходили и избирались из середняцкого крестьянства, то и они защищали интересы верхушки. Ведь у меннонитов проповедники не получали жалованья; (единственным материальным вознаграждением были добровольные пожертвования членов общины. А кто больше всех жертвовал? Конечно, богатые. Так проповедники помогали богатым, а эти — проповедникам.

Когда меннониты впервые выбирали в Государственную Думу, разыгралась сильная борьба. Нашлись такие «смельчаки», которые предложили голосовать за кадетов. Влиятельная помещицья и буржуазная верхушка, однако, решила поддержать октябристов. Октябристы, представители крупных помещиков и промышленников, были, как известно, ближайшими соседями черносотенцев, реакционнейшими националистами, крепчайшей опорой царизма. Понятно, что меннонитские помещики решили голосовать за эту партию, понятно также, что «представителем» меннонитов в Думу был избран Бергман — один из крупнейших меннонитских помещиков. Чрезвычайно большое внимание уделялось так называемому «духовному» руководству общин. Редакторами самых распространенных меннонитских газет («Botschafter» — «Вестник» и «Friedensstimm» — «Голос мира») были проповедники Эпп и Крекер. Газеты больше посвящались религиозным вопросам, вопросы политики освещались реакционнейшим образом. Всякое свободомыслие искоренялось. Меннонитские издательства, как например «Радуга» в Молочанске — Гальбштадте, издавали религиозную или родственную ей литературу. Сельские учителя обыкновенно одновременно исполняли обязанности проповедников. В так называемых центральных и средних учебных заведениях заведующим был в большинстве случаев преподаватель закона божия или проповедник. Воспитание детей носило узко религиозный характер. В каждой колонии существовали воскресные школы, где разбиралась одна лишь библия. Утром дети обязаны были ходить на молитвенные собрания, а вечером снова на богослужение. Для юношеского возраста существовали кружки молодежи, где опытные проповедники разъясняли все ту же библию.

Взгляд на образование у меннонитов обуславливался религиозно-хозяйственными интересами верхушки. Проповедники считали, что все необходимые добропорядочному меннониту знания содержатся в библии; стало быть, надо уметь читать и писать. Хозяйственное развитие меннонитских колоний потребовало, однако, наряду с существовавшими во всех колониях начальными школами открытия средних учебных заведений (центральных, торговых, коммерческих и женских училищ). Весьма важным стимулом к открытию меннонитских средних школ являлась также боязнь того, что часть меннонитской молодежи для продолжения своего образования поступит в русские учебные заведения и тем самым потеряет связь с меннонитским «миром». Открывая свои меннонитские учебные заведения и искусно подбирая себе кадр преданных преподавателей, меннонитская буржуазия достигала того

что «наука», преподававшаяся в этих школах, целиком и полностью служила укреплению ее хозяйственной мощи и господствующего положения в колониях, а также содействовала дальнейшему одурачиванию меннонитской трудящейся массы.

Высшее образование служило тем же целям. В особом почете находилось высшее богословское образование. Общины собирали средства и посылали способнейших молодых проповедников за границу — в Базель (Швейцария), Гамбург (Германия) и т. Д. — изучать богословие.

Находились денежные тузы, которые учреждали специальные стипендии для студентов-богословов. Выше было упомянуто о женских средних учебных заведениях. Пусть читатель не подумает, что это были настоящие женские училища. Это были своего рода «смольные институты» где дочери состоятельных меннонитов обучались всем наукам понемножку, а в основном — менно-нитской морали, закону божию рукоделию и тому, как девушка и женщина должны вести себя в обществе и дома.

Меннонитские женщины, были фактически совершенно бесправны. Им не разрешалось проповедывать, и лишь в последнее время их допускали к должности учительниц. Женщины были заняты исключительно хозяйством, они были тоже своего рода рабочим скотом, работали с утра до вечера и весьма редко бывали за пределами меннонитского мирка. Ввиду того, что меннонитские женщины с самого раннего детства выполняли весьма, тяжелые физические работы, в менно-нитских деревнях преобладал тип изнуренной, сгорбленной и преждевременно стареющей женщины. К этому следует прибавить еще высокую рождаемость в меннонитских колониях, что также ложилось тяжелым бременем на женщину. Таким образом, назначением женщины у меннонитов было: скотский труд и деторождение. Все это оправдывалось, конечно, библией.

Вся жизнь и вся просветительная деятельность у меннонитов шла, таким образом, под углом зрения религии. Всякое социальное движение облекалось в религиозные формы. Мы это видели на примере возникновения двух новых сект: секты прыгунов и меннонитской братской общины. Но кроме этих

Рис. 3.
Женское средне-учебное
заведение в Хортице.

двух, сект в конце прошлого и в начале настоящего Столетия возникло еще множество других мелких сект, основатели которых обыкновенно восставали против окостеневшей церковности основной «старо-меннонитской церкви», а потом также «братской общины», с течением времени якобы, все больше терявших «живую душу». И здесь, конечно, имелись социально-экономические корни. Но их распутать гораздо труднее. Обыкновенно новые секты рождались там, где религиозно-помещичья клика становилась слишком деспотичной. Вот краткий перечень главнейших меннонитских сект:

Рис. 4.
Молитвенный дом братской общины в колонии Луговск, бывш. Самарской губ.

- 1) старо-меннонитская церковь;
- 2) братская община;
- 3) альянсовцы или лихтфельдская община);
- 4) темплеровцы, прежде называвшиеся «иерусалимскими друзьями»;
- 5) секта прыгунов;
- 6) секта «братьев Петерса»;
- 7) евангельская меннонитская братская община;
- 8) адвентисты;
- 9) община братьев меннонитов.

Старо - меннонитская церковь является основной сектой, пришедшей в Россию из-за границы. Отличительным обрядом ее можно назвать крещение обливанием.

Братская община крестит своих членов черта погружение в воду (назад), чем приближается к секте баптистов, которые, однако, погружают в воду лицом вперед. Община требует от своих членов, чтобы они в частной жизни следовали примеру Христа и апостолов. Курение, танцы, посещение кино и театров считается грехом.

Секта альянсовцев, возникшая в колонии Лихтфельде (Молочанск. район), преследовала примирение обеих названных сект. Она допускала к причастию как «братьев», так и «старо-церковников».

Община темплеровцев, или «иерусалимских друзей», возникла в 60-х годах прошлого столетия в Молочанск. районе. Учение темплеровцев было вывезено из Вюртемберга (Германия) и резко отличается от всех остальных сект сравнительным свободомыслием. Темплеровцы отрицают божественность Христа, считая его лишь идеальным человеком, не признают решительно никаких внешних обрядов (в том числе и крещения) и считают причастие лишь символом,

напоминающим о страданиях и смерти Христа. Религии придается лишь этическое, нравственное значение. Темплеровцы признают науку, дарвинизм. Это самая передовая секта. Незначительные группы темплеровцев можно встретить на Северном Кавказе.

О прыгунах речь была выше. Секта эта очень мала.

«**Братья Петерса**» представляют совсем незначительную секту, основанную в 60-х годах в кол. Гнаденфельд (Молочанский район) проповедником Германом Петерс, от которого и получила свое название. Позднее «братьев Петерса» можно было встретить также в Крыму (у Евпатории), сегодня же только в Западной Сибири. Это - одна из наиболее сумасшедших сект. Петерс нашел в письмах апостолов целый ряд мест, неприемлемых для «истинных христиан», которые он поэтому просто вычеркнул из Евангелия. Он пользовался также своим собственным песенником. Своих последователей он крестил погружением в воду лицом вперед. Употребляемый в пищу хлеб никогда не резался, а ломался. Запрещалось носить какие бы то ни было украшения: мужчинам — воротники, карманные часы, часовые цепочки, крахмаленные рубашки, вычищенные сапоги и т. д., женщинам — бантики, брошки, серьги и т. д. Не разрешалось чтение газет, разговоры на политические темы, курение, потребление вина и водки и т. д. Считалось грехом посылать детей в школы.

Евангелическая меннонитская братская община возникла совсем недавно (в 1921 г.) в крымских колониях Чонграв и Карасан. Основателем является духовный старшина Герман Ремпель. Он пришел к заключению, что меннониты перестали вести богоугодный образ жизни и поэтому предложил своим последователям начать новую жизнь, предварительно покайся перед богом и исповедовав свои грехи «своему Ионафану», которым должен быть «духовный старшина, пастер или пастор». Это требование определенно пахнет католицизмом. Профессор Линдемман сообщает, что эта секта быстро росла и через год уже насчитывала 136 членов и 9 проповедников.

В единичных случаях меннониты переходили к **адвентистам - субботникам**. Адвентисты празднуют, как известно, субботу вместо воскресенья и отрицают бессмертие души. Они учат, что Христос скоро опять появится на земле. Адвентистов среди меннонитов мало, они разбросаны по разным колониям и нигде не образуют больших общин.

Особый интерес представляет община «**братьев меннонитов**», которая была организована в 1880 году в Кеппентальском районе, (тепершн. Республ. Немцев Поволжья).

Основателем ее был некий сумасшедший Клаас Эпп, наназвавший себя вторым Христом. В 1880—81 гг. в новую секту вступили 63 семейства в полном составе и еще отдельные лица из других семейств и выехали из Кеппентальского района в Ср. Азию. Там они думали найти «царство божие». Переселением руководил Эпп; приходилось ехать через туркестанскую пустыню Кара-Кум. В невыносимых условиях путешествия гибли дети и взрослые. Но охваченные фанатизмом «братья» не унывали. Свое переселение они сравнивали с бегством евреев из Египта. Когда они добрались до Аральского моря, аналогия получилась полная: ведь и израильтянам пришлось пересечь Красное море. Эпп даже сделал попытку разделить море и пройти сухим путем, пришлось однако двинуться в обход Аральского моря, пока, наконец, не добрались до Семиречья, где и расположились. Эпп, однако, не удовлетворился и пошел еще дальше — в Хиву, где с небольшой группой последователей основал колонию. (Передают, что здесь он еще сделал попытку взлететь на небо).

Так религиозный фанатизм еще способствовал тому расселению меннонитов по всей необъятной России, основной причиной которого было безземелье. При общей численности меннонитов в 100 тыс. человек их теперь можно найти почти во всех частях СССР: на Украине, Сев. Кавказе, в Поволжье, на Дальнем Востоке, в Туркестане, в Западной Сибири и т. д. В большинстве случаев меннониты поселялись небольшими группами колоний. Исключениями являются Молочанская (свыше 50 колоний), Хортицкая (около 20 колоний) и Славгородская (около 40 колоний) группы.

В заключение этой главы следует заметить, что царское правительство частично отняло у меннонитов одну из главнейших привилегий, предоставленных им при их поселении в России, а именно освобождение от воинской повинности. Согласно дополнению к закону о всеобщей воинской повинности от 1 января 1884 года меннониты освобождались от несения строевой службы, но взамен этого должны были нести 3-летнюю службу в лесничествах. Этим ограничением своих прав многие меннониты оказались недовольны; отрицая всякую государственную службу, некоторая часть меннонитов предпочла эмигрировать в Америку. В 70-х годах эмигрировали целые села. Впоследствии это движение спало, однако миграция мелкими группами не прекращалась вплоть до 1914 года. В следующих главах мы увидим, как это движение вновь вспыхнуло после гражданской войны, правда, уже по другим причинам.

ГЛАВА II

Меннониты и империалистическая война.

Церковь и школа всегда воспитывали в меннонитах дух смирения и повиновения по отношению к помазаннику божию, к царю.

Причину этого верноподданнического отношения меннонитской секты к царю и царскому правительству не следует, однако, искать в той покорности всякой власти вообще, которая предписывается «священным писанием». Ниже мы увидим, что по отношению к советской власти что-то совершенно не проявлялись те верноподданнические чувства, которые питались по отношению к царю его власти.

Пропаганда царепочитания велась среди меннонитов чрезвычайно интенсивно. В молитвенных домах при каждом богослужении молились за здоровье царствующей семьи. В школах дети пели нескончаемый ряд песен, прославляющих царя. Меннонитские учебники пестрели хвалебными рассказами о геройстве русских царей. В этом культе царепочитания главную роль играло меннонитское учительство, в массе своей реакционное, религиозное и целиком преданное проповедникам. В учебниках в особо торжественном стиле повествовалось о приеме царем того или другого меннонитского проповедника, волостного старшины и т. д. Рассказы о таких приемах у царя передавались из поколения в поколение. Словом, благолепию не было предела.

Весьма показательны, что меннонитская верхушка в качестве особого «подвига» перед царем выдвигала помощь, оказанную русским войскам во время крымской войны. Помощь эта выражалась в предоставлении подвод и квартир для отправлявшихся в Крым войск и в уходе за ранеными. В память этого «подвига» меннонитская верхушка воздвигла себе памятник в Гальбштадте.

Думается, что не потребует особого объяснения тот факт, что такое почитание царя не имело причиной благодарность меннонитской верхушки за то благополучие, которого она достигла. Что же касается меннонитских бедняков и пролетарской прослойки, то здесь это боготворение царя являлось результатом той длинной цепи обманов, которая имела место в жизни и деятельности меннонитской секты. Впоследствии мы увидим, как меннонитские бедняки и меннонитские пролетарии освобождались от религиозного обмана и от ложных представлений о царе.

Почему же меннонитская верхушка так восхваляла царя?

Царское правительство с его гнилым, сверху до низа продажным аппаратом как нельзя лучше соответствовало желаниям и потребностям меннонитской верхушки. Местные власти всегда были игрушкой в руках меннонитских богатеев, подкупавших всех и вся: урядников, исправников, земских начальников и т. д. В целом ряде мест отдельные чины получали от меннонитской буржуазии за верную службу постоянное «жалованье» (сверх казенного); кроме того, они вознаграждались за какие-либо более крупные услуги, получали подарки ко дню рождения, к рождеству и т. д.

Цели этих подкупов были самые разнообразные: обход всякого рода постановлений, ускорение каких-либо дел и, не в последнюю очередь, содействие при борьбе с батраками и своими же непокорными меннонитами. Нами уже упоминалось о том, как были использованы полицейские силы для расправы с «прыгунами», т.-е. с сектантским новообразованием, члены которого требовали перераспределения земли. Но широкое применение находила себе купленная услужливость при борьбе с батраками.

Подкупались не только волостные и уездные власти: сплошь и рядом давались взятки губернаторам и генерал-губернаторам. В этом деле представители меннонитского помещичьего и промышленного капитала достигли прямо-таки изумительной ловкости. Взятки открыли меннонитскому капиталу все двери. Они являлись органической частью хозяйственной практики всех меннонитских промышленных предприятий, бурно раскинувшихся по югу России в начале нынешнего столетия.

В качестве примера приводим (из числа многих) следующий показательный факт: крупный мукомол Абрам Де-Фер (Миллерово, Юго-Восточной ж. д.) обосновал свое большое состояние на одной сделке, заключенной благодаря содействию местных властей с военным интендантством во время русско-японской войны. Он сдал крупную партию гнилого мяса для армии.

На этой сделке Де-Фер изрядно «подработал». Десять лет спустя Де-Фер «раскаялся» и поведал общине о своих грехах. Однако,... «бог милостив». Община, простила Де-Фера, надо полагать, за давностью согрешения.

Таким образом, меннонитская верхушка имела в царской власти верного союзника и слугу. Покорность царю и начальству, столь усердно пропагандировавшаяся в школах и молитвенных домах, в конечном счете являлась покорностью бедняка перед кулаком и помещиком.

Меннонитская верхушка имела своего представителя в Государственной Думе, депутата от Екатеринославской губернии Бергмана. Тупой и на редкость ограниченный Бергман являлся достойным членом одной из реакционнейших партий думы - октябристов. Будучи сам крупным помещиком, он, понятно, ревностно защищал интересы меннонитских помещиков и кулаков.

Но вот грянула война. Меннонитские верхи встретили ее спокойно. Сыновья богатеев и до, войны часто увиливали от отбывания своей повинности, то же им удавалось делать и во время войны. Посылались патриотические телеграммы царю, министрам и др. сановникам.

Вскоре русские войска стали терпеть поражения. В поисках громоотвода для всеобщего недовольства царское правительство разжигает шовинистические национальные чувства, через грязную прессу воспитывает в народных массах германофобство, призывает к борьбе с «немецким засилием». Были, разработаны специальные законы, имевшие целью ликвидацию всего немецкого землевладения на юге тогдашней России. Эти законы не распространялись на значительную часть немецких, в том числе и меннонитских помещиков. В большинстве случаев, помещики находили возможность обойти эти законы.

Всею своей тяжестью эти законы обрушились на середняцкую и бедняцкую часть немецкой деревни, суля им голод, холод и беспросветную нищету в сибирской ссылке. Понятно, что трудящиеся немцы-колонисты были охвачены сильнейшим возбуждением перед лицом тех преследований, которым они подвергались. Возбуждение это, однако, не вылилось в революционное движение. Во главе меннонитских масс и теперь стали обычные вожаки, т.-е крупные дельцы (фабриканты, помещики и торговцы) и проповедники. Была развернута кампания прошений, докладных записок и т. д.

Тут на помощь меннонитским дельцам пришла идея о голландском происхождении меннонитов. Ниже мы увидим, что этот миф сослужил меннонитским кулакам впоследствии, при советской власти, не малую службу. Будучи совершенно не-

состоятельной, эта идея о голландском происхождении должна по мнению ее творцов, привести к изъятию меннонитов из числа ликвидируемых». С другой стороны, миф о «голландстве» (Holländerei) был использован для обоснования давнишней розни между меннонитами и другими немцами-колонистами. Будучи в массе своей беднее меннонитов, прочие немцы-колонисты в большом числе работали у меннонитских кулаков и помещиков в качестве батраков. Миф о «голландстве» должен был также подчеркнуть разницу в социальном положении между богатым меннонитским кулаком и бедным колонистом. Следует, однако, отметить, что массы меннонитского крестьянства, учув кулацкий характер «голландства», кое-где протестовали против этой лживой кампании.

1 Версия о голландском происхождении оказалась безрезультатной; делегация за делегацией отправлялись в царскую столицу. Один из известнейших адвокатов Петрограда за крупные гонорары писал петиции всем, всем, всем.

Срок вступления в силу ликвидационных законов надвигался, а кампания за отмену этих законов по отношению к меннонитам протекала совершенно безуспешно. Тогда меннонитская верхушка решила на «последний» шаг. Всесильным фаворитом императрицы в то время был пресловутый Григорий Распутин. На него больше чем на бога уповали меннонитские вожди. Были предприняты шаги по установлению связи с Распутиным. Предполагалось (по много испытанному методу) устроить грандиозную попойку и добиться там «у святого старца», опьяненного вином и женскими ласками, содействия меннонитскому делу. Тут, однако, грянули выстрелы князя Юсупова, и Гришки Распутина, долженствовавшего быть покровителем меннонитской секты, не оказалось в живых.

В примерах, свидетельствующих о полнейшей бесприщипности меннонитской верхушки нет недостатка. Те самые меннонитские догмы, которым и бедняцкая и середняцкая масса еще в большинстве своем следовала, признавались верхушкой лишь в меру их пользы.

Такой догмой, совершенно лишившейся прежнего религиозного содержания, был отказ от ношения оружия. Хотя меннониты и должны были содержать призванных на службу, но тем не менее право не служить в армии, а отработать 3 года в лесничестве, считалось огромной привилегией. Меннониты при этом высоко ценили обособленность своих сыновей, их изоляцию от «разлагающего» влияния города, русских солдат и т. д.

Следует отметить, что система работ и образ жизни призванных на службу меннонитов в лесничествах укрепляли специфически меннонитскую идеологию. Здесь, в

лесничествах, их регулярно посещали проповедники, здесь проводилась строгая дисциплина и т. д.

Меннонитские буржуазные сынки очень часто освобождались и от этой повинности либо ценою подкупа призывной комиссии, либо посылая каких-нибудь наемных лиц на свои места.

Смехотворность тезиса о безоружности становилась все более очевидной. По мере обогащения отдельных меннонитов последние держали у себя дома револьверы и ружья с целью предотвращения весьма частых в то время грабежей. Наконец, в 1905 году меннонитские помещики принимали деятельное участие в усмирении крестьян (например, в Мелитопольском округе). Ложь меннонитской безоружности выявилась без остатка, когда возникла гражданская война. Меннонитские отряды у Врангеля — прекрасное тому доказательство.

Число призванных во время войны меннонитов достигало 11,5 тысяч. Начиная с 1916 года, семьи призванных меннонитов были лишены той, правда, нищенской поддержки, которую царское правительство оказывало семьям других призванных в армию. Беднейшая часть этих семейств терпела острую нужду, но меннонитская буржуазия наотрез отказалась помочь этим семьям, мотивируя свой отказ тем, что она платит налог государству, которое обязано содержать солдаток и их детей.

Из этого вовсе не следует, что меннонитская буржуазия обеднела во время войны. Наоборот, спекуляция хлебом стала источником обогащения многих дельцов. Крупные поставки продуктов для армии давали миллионные барыши. Мельницы, выполнявшие правительственные заказы были круглые сутки на ходу. Но особые выгоды война принесла некоторым меннонитским фабрикантам, выторговавшим себе заказы на «оборону». Ложь и обман меннонитства здесь еще раз, и при том с особенной яркостью, саморазоблачается. В самом деле: люди, не берущие оружия, не желающие якобы причинять зла ближнему, эти люди во всю изготовляли мины, снаряды, и т. д. В качестве примера приведем здесь чугунно-литейный завод Мартенса в Донской области. Один из компаньонов Мартенса (член братской общины — К. Д. Де-Фер.) являлся членом «комитета по обороне», откуда получал колоссальные по тому времени заказы. За короткое время количество рабочих было увеличено почти вдвое и доведено до 600 человек.

Февральская революция, в результате которой во главе государства оказалась буржуазия с ее меньшевистскими слугами, законов о ликвидации немецкого землевладения не уничтожила, а лишь отсрочила на неопределенное время.

Меннонитская бедняцкая и середняцкая масса единодушно приветствовала свержение царя, симпатий к которому, воспитанные в течение целого столетия, исчезли из-за жестоких преследований немцев-колонистов во время войны. Иначе к низложению Николая II отнеслась меннонитская буржуазия, которая, исходя из опыта 1905 года, чуяла «беду». Начиная с марта 1917 года, меннонитская буржуазия развивала усиленную деятельность по сплочению меннонитов на случай какой-либо опасности для их богатств. В лице богослова Венямина Унру и капиталиста И. Вильмса меннонитская верхушка участвовала в кулацком, конгрессе всех немцев-колонистов России, созванном вскоре после Февральской революции по инициативе известного зоолога проф. Линдемана ¹⁾). Под видом «защиты колонистской культуры» на этом конгрессе подготавливалась широкая кулацкая организация, непосредственной задачей которой была борьба против «анархии», т.е. против Советов.

Отношение меннонитской верхушки к Февральской революции наглядно иллюстрируется одним эпизодом, имевшим место на конгрессе всех меннонитских общин тогдашней России, состоявшемся летом 1917 года в селе Орлово (Мелитопольского округа). Нашлись «геройские горе-социалисты из среды недоучившихся меннонитских интеллигентов, выступившие на этом конгрессе с протоведью о единой, общей цели, преследуемой религией и социалистическим движением: религия и социализм представлялись этим мудрецам как два выражения одной и той же идеи. Конгресс на одно упоминание слова «социализм» ответил обструкцией: многие делегаты демонстративно покинули зал, другие притворились спящими и т. д.

В сентябре 1917 года в гор. Славгороде (Сибирь) состоялся съезд немцев-колонистов Славгородского округа, созванный по инициативе крупного мукомола Фрея, пастора Щтаха и друг. В подготовке и проведении съезда приняли участие также и меннонитские кулаки с их приспешниками. Целью съезда было образование «западно-сибирской немецкой республики». И здесь под видом «защита колонистской культуры» подготавливалось активное противодействие революционному движению.

1) Проф. Линдеман в своей политической деятельности долгое время отстаивая интересы реакционной части немецкого населения России.

ГЛАВА III.

Меннониты и Октябрьская революция.

Отношение меннонитской верхушки к революции, понятно, резко отрицательное. Ненависть меннонитского проповедника и меннонитского богатея к революции имеет свою историю.

Большой интерес представляет в этом отношении декларация, адресованная царю представителями меннонитских общин по поводу революции 1848 года. В этой декларации царскому правительству дается заверение в глубочайшей любви и верноподданнической преданности, революционеры рисуются как крамольники и безбожники. В качестве вещественного доказательства своей преданности царю меннониты одновременно с опубликованием декларации преподнесли властям подарок: 130 лошадей.¹⁾

Следует отметить также, что террор народовольцев являлся в глазах меннонитских попов каким-то сверхкощунством. Характерно, что одной из главных «дикостей» в программах революционных партий, ввергавших в ужас и трепет меннонитских богатеев, было посягательство на «священную» (так они ее называли) частную собственность. Это яростно-враждебное отношение к революции впервые претворилось в открытое реакционное выступление во время первой русской революции, особенно же во время крестьянских восстаний.

Мы здесь несколько подробнее остановимся на истории революции 1905 года в меннонитских колониях, т. к. отношение меннонитской верхушки к великому наследнику 1905 года, к Октябрю, принципиально ничем не отлетается от «встречи» ею первой революции.

1) См. Wogau u. Duck «Das Sektantentum». Центрвидав, Харьков, стр. 35—36.

К 1905 году меннонитский капитал уже мог гордиться колоссальными успехами. Размер крупных землевладений рос из года в год. Промышленные предприятия множились и росли в гигантском темпе.

Серьезных революционных выступлений среди бедняцких слоев меннонитов в 1905 году не было, хотя, как об этом свидетельствуют

Рис. 5.

Меннонитские кулаки и их батраки.

рассказы отдельных бедняков, симпатии к революционному движению, особенно к движению русского и украинского крестьянства, несомненно были налицо. Спрашивается, почему же эти симпатии не вырвались во-вне, почему меннонитские бедняки не участвовали

в революционном движении крестьянства соседних русских или украинских сел? Ведь их экономическое положение подчас совершенно не отличалось от положения соседнего русского или украинского крестьянства, ведь давление меннонитского кулака ими ощущалось в такой же или почти такой же мере, как в соседней русской деревне — давление русского или украинского кулака.

Главную причину этого печального факта следует опять-таки искать в религии. Мы уже указывали на то, что меннонитский бедняк видел в меннонитском кулаке, промышленнике, торговце или помещике в первую очередь и прежде всего брата во христе. Это братство, подогреваемое многочисленными демонстрациями общности меннонитов с одной стороны и кое-какими подачками кулаков—с другой, сглаживало классовые противоречия и притупляло, а подчас и совершенно уничтожало сознание бедняками своих интересов. Здесь следует напомнить о том многообразии методов идеологического и экономического воздействия, которые имелись в распоряжении зажиточной части меннонитской секты.

Далее, следует принять во внимание, что меннонитские бедняки имели мало соприкосновения (не говоря о каких-либо редких выездах на базар, поездках по железной дороге и т. д.) с внешним миром, т.-е. с городской культурой, с пролетариатом, с крестьянством соседних деревень и т. д. Правда, во всех меннонитских колониях всегда работало большое число русских или украинских батраков и батрачек. Но между ними и меннонитскими бедняками стояли национальные и

религиозные преграды. Проповедь «превосходства» своей нации и своей веры в сильной мере отравила сознание меннонитских бедняков и середняков. К этому следует, добавить, что большинство меннонитских бедняков и середняков очень плохо или даже совершенно не владело русским языком.

Большое реакционное значение этой замкнутости явствует из следующего. Меннонитская пролетарская прослойка, которая на фабриках и заводах близко соприкасалась с русским пролетариатом, сравнительно быстро освобождалась от всего того груза темноты и ханжества, каким являлась меннонитская идеология.

Будучи, однако, малочисленной, эта пролетарская прослойка не была в состоянии оказать (В условиях меннонитской колонии) достаточно большое влияние на меннонитские бедняцкие массы, вырвать их из-под влияния кулаков. Меннонитские кулаки и фабриканты всячески добивались изоляции рабочих, в том числе и меннонитских, ограждая бедноту от их «зловредного» влияния. Показательно в этом отношении, что меннонитское кулачество в тех селах, где имелись крупные фабрики и заводы, требовало учреждения особых школ для детей рабочих. Во многих местах такие «плебейские» школы существовали параллельно с общими. Интересно, что в большом промышленном центре, в Вальдгейме (Мелитопольского округа), лишь в 1927 году удалось сломить сопротивление кулаков и создать единую школу (о борьбе с советизацией школы подробно говорится в следующих главах).

Особой заботой меннонитских фабрикантов являлось создание своеобразной рабочей аристократии. Фабриканты всячески способствовали религиозной пропаганде среди рабочих. Верующим рабочим (членам религиозных общин) делались всевозможные побрякушки, начиная от каких-либо прибавок к заработной плате и кончая подарками для детей и жен рабочих по случаю дня рождения, праздника рождения христового и т. д. Служащие и мастера набирались почти исключительно из членов религиозных общин и действовали как верные псы своих хозяев.

Для детей мастеров и религиозных рабочих делались исключения в школьном деле: им был открыт доступ в «настоящую» меннонитскую школу.

Рис. 6.

Заголовок меннонитского лита „Голос мира“. Следует обратить внимание на батраков и прислугу, которые стоя слушают чтение библии.

Рядом с верующими меннонитскими рабочими всемерно привлекались рабочие-баптисты. Таким путем меннонитские фабриканты думали страховать себя от «крамолы» на своих предприятиях.

Эти расчеты, хотя и не целиком, но в большой степени оправдались. Из среды верующих рекрутировались штрейкбрехеры и доносчики. О такой предательской роли верующих рабочих рассказывает, между прочим, Шолохов в своем романе. «Тихий Дон». Речь идет там о рабочих-баптистах на заводе меннонита Мартенса (Донск. обл.). Ниже мы приводим это живое описание, данное в виде диалога двух рабочих: Штокмана и Ивана Алексеевича. (Приводим только диалог).

«— Надьсь был у хозяина, ходил толковать о поршне. Надо в Миллерово везть.... (сказал Иван Алексеевич).

— Там ведь завод, кажется, есть? — спросил Штокман.

— Мартеновский ¹⁾. Мне припало в прошлом году побывать.

— Много рабочих?

— До чорта. Сотни четыре.

— Ну, как они?

— Им-то житье. Это тебе не пролетарии, а так... навоз.

— Почему же это? — поинтересовался Валет.

— А потому это, что все они зажиточные. Каждый имеет свой домик, свою бабу со всякими удовольствиями. А тут к тому ишо половина из них бантисты. Сам хозяин — проповедник у них, ну, и рука руку моет, а на обоих грязи мотыкой не соскребешь».

(Тихий Дон, к. I. Изд. третье. «Моск. Рабочий», стр. 219—220).

Революционное движение 1905 года захлестнуло и заводы меннонитских богатеев. В целом ряде заводов и мельниц вспыхнули забастовки. Рабочие требовали увеличения нищенской зарплаты и сокращения рабочею дня, длительность которого на меннонитских предприятиях колебалась между 10 ½ и 12 часами (не считая неограниченных сверхурочных часов).

К движению примкнули не только русские, и изменившие меннонитской идеологии немецкие рабочие, но и, к великому, ужасу предпринимателей, многие религиозные рабочие. Об этом ужасе фабрикантов при виде своих «братьев» в рядах бастующих свидетельствуют письма меннонитских предпри-

1) Об этом заводе у нас уже шла речь во II гл. В романе Шолохова он называется Мартеновским. Эта переделка слова Мартенс обще-употребительна в районе действия названного завода.

нимателей в «Голос Мира»¹⁾, самый реакционный, ханжеский и грязный листок того времени. В одном из таких писем брат-предприниматель горько жалуется на то, что «даже братья» оказались во власти «дьявольского навождения» (стачечное движение). Бог, однако (читай — полиция), помог и здесь, утешается забавный брат, и это тем более, что «предприятие обещает дать хорошие дивиденды».

Крупные выступления рабочих имели место, как уже указывалось, в целом ряде меннонитских предприятий. Когда революция была подавлена, меннонитские капиталисты с помощью царской полиции учинили расправу над рабочими. Многие рабочие были арестованы, в большом числе посыпались увольнения. Из названного уже Вальдгейма большая группа рабочих, бывших меннонитов, в результате преследований предпринимателей и полиции должна была переселиться в Сибирь (Павлодарский округ, ныне Казакстан), где они, претерпевая большие лишения, основали село и занялись сельским хозяйством.

Когда в начале 1906 года на юге начались выступления крестьян, меннонитскими помещиками овладело тревожное настроение. Своим садистски жестоким обращением с батраками меннонитские помещики напоминали Скотининых в известной комедии Фонвизина (в 1-й главе мы подробнее обрисовали жизнь батраков у меннонитских помещиков). Озлобление русских и украинских крестьян окрестности достигло к тому моменту крайних пределов, ибо в то время, как рядом меннонитские помещики имели по десять тысяч и больше десятин земли, их душили нищета и безземелье.

Перед лицом восставшего крестьянства меннонитские помещики удирали в город, требуя казаков и расстрелов. Царское правительство дало им и то и другое. Усмирение крестьян и отбирание захваченного крестьянами добра происходило при самом деятельном участии меннонитских помещиков. Оставив на этот раз в стороне «безоружность» и прочее, меннонитские помещики усердно способствовали розыскам руководителей крестьянских восстаний.

Отношение к Октябрю, как нами уже было указано, в основных чертах напоминает отношение меннонитской верхушки к революции 1905 года. В период между обеими революциями развитие аграрного и промышленного капитализма в меннонитских колониях проделало еще один, весьма значительный шаг вперед.

1) «Friedensstimme» — издававшаяся в Гальбштадте (Мелитоп. окр.) под редакцией попа А. Крекера, после революции эмигрировавшего за границу, где он сейчас ведет бешеную клеветническую кампанию против СССР и компартии.

В I главе нами приводится весьма показательный пример экспансии меннонитского капитала, а именно: возникновение целого ряда крупных предприятий (стоимость некоторых достигала миллиона рублей) на маленьком участке Юго-восточной железной дороги. Большая часть этих предприятий возникла в период между двумя революциями, т.-е. между 1905 и 1917 годами. Примерно такая же картина бурного роста меннонитских предприятий наблюдалась в это время и в других районах. Число миллионеров среди меннонитов стало весьма внушительным. Одновременно выросло, правда, в меньшей степени, нежели промышленность, и крупное землевладение. Число наемных-рабочих и батраков (в подавляющем большинстве русские и украинские пролетарии) составляло десяти тысяч. Центр меннонитской «культуры» на юге России — Гальбштадт (Мелитоп. окр.) украсился целым рядом замков, построенных помещиками и фабрикантами. Здесь, в Гальбштадте, значительная часть меннонитских помещиков проводила зиму, летом же она жила в своих роскошных имениях. На улицах Гальбштадта мелькали десяти автомобилей. В Гальбштадте же было учреждено коммерческое училище для сынков меннонитских капиталистов, помещиков и кулаков.

Война и «ликвидационные» законы всей своей тяжестью обрушились на трудящуюся часть меннонитов. Верхушка же, как мы это показали во II-й главе, благоденствовала.

Нечего и говорить, что Октябрьская революция, свергнувшая власть помещиков, капиталистов и кулаков, меннонитской верхушкой была встречена со скрежетом зубным. Сынки меннонитских богатеев, учившиеся в гальбштадтском коммерческом училище, поговаривали о необходимости «расстрелять каждого десятого русского рабочего и крестьянина». Не подлежит никакому сомнению, что «коммерсанты» выражали здесь мнение своих отцов. В молитвенных домах неизменной частью молитвы стало ходатайство перед небом о скорейшем «восстановлении порядка».

В гальбштадтском коммерческом училище, впоследствии ставшем оплотом всех контрреволюционных сил Молочанской группы колоний, все чаще и чаще высказывалась мысль о необходимости организации отрядов для борьбы с большевиками. Реакционные преподаватели, верные слуги своих господ из училищного совета, состоявшего из представителей меннонитской буржуазии, поддерживали авантюристские устремления кулацких сынков; во время преподавания то и дело со злобной усмешкой говорилось о «нашей новой власти». Контрреволюционная агитация велась открыто. Гальбштадтский

листок «Голос мира» писал о большевиках, как о «беспардонной и дикой банде».

С напряженным вниманием меннонитская верхушка следила за борьбой между восставшими рабочими и Украинской Радой. В ряде мест русские и украинские крестьяне захватным порядком овладели землей меннонитских помещиков. Последние удирали в Гальбштадт или в другие города и активно принялись за организацию контрреволюционных сил.

В январе 1918 года вопрос об организации отрядов для борьбы с большевиками обсуждался в Гальбштадте весьма серьезно. Это вынудило, наконец местный совет рабочих и солдатских депутатов, бездеятельность которого до этого момента объяснялась меньшевистско-эссеровскими колебаниями некоторой части совета, распустить кулацкое волостное управление и взять власть в свои руки.

В деятельности Гальбштадтского совета рядом с русскими рабочими принимал участие целый ряд немецких рабочих, бывших меннонитов. Был установлен рабочий контроль над деятельностью местной типографии, заводов, мельниц и т. д. Совет за короткое время своей работой успел провести целый ряд мер по улучшению культурно-бытового положения трудящихся слоев населения.

Меннонитские кулаки, фабриканты и помещики всячески противодействовали советам. В грабежах и убийствах, которыми занимались анархисты и всякие банды, обвинялись большевики. Распускались нелепейшие слухи: так, например, население Гальбштадтского района как-то в течение нескольких дней сильно волновалось ввиду предполагавшейся якобы «национализации всех девушек».

Гальбштадтскому совету в это время не удалось привлечь на свою сторону меннонитскую бедноту района. Ниже мы подробно остановимся на причинах этого, весьма важного явления. Пока же мы ограничимся установлением того факта, что за Советом в меннонитских селах Гальбштадтского района пошло лишь несколько десятков бедняков, при безразличном отношении к нему большинства, бедняков и середняков. В силу этого никаких глубоких социальных изменений, как, например, перераспределение земли, в меннонитских колониях не произошло. Аналогичная картина наблюдалась и в других меннонитских колониях юга России (теперь Украина и «Крымск. АССР»).

Тем временем на Украине наступала австро-германская армия, приглашенная на помощь к себе Радой. Каждая весть о новых победах германской армии над слабой Красной гвардией вызывала в среде меннонитского кулачества нескрываемую радость.

В начале апреля германские войска заняли город Александровск (Запорожье) и Мелитополь, а вместе с ними и две главнейшие группы меннонитских колоний, Хортицкую и Молочанскю.

Ликованиям меннонитской буржуазии не было конца. Германские войска по пути их следования через меннонитские колонии угощались самым щедрым образом. В Гальбштадте их встретили, как

Рис. 7.

Парад германских войск в Гальбштадте.

долгожданных освободителей. Совершенно забыв о своем «голландском происхождении», меннонитские попы и буржуа произносили пламенные речи об «общем немецком деле», за которое все немцы, меннониты в том числе, должны бороться. Когда на площади Корниса в Гальбштадте прусский лейтенант гаркнул: «да здравствует наш кайзер», все окружавшие его тесным кольцом меннонитские проповедники и буржуа подхватили этот лозунг и кричали ура до полного изнеможения.

Уже во время отступления красновардейских отрядов меннонитская контрреволюция поднимала голову. Еще за несколько дней до прихода германских войск гальбштадтская верхушка установила связь с ними. В селах меннонитские кулаки задерживали скрывающихся членов Совета и их семьи с тем, чтобы их впоследствии выдать немцам или кадетам. Началась кровавая расправа над пленными. За короткое время после прихода немцев в одной Молочанской группе колоний было убито несколько десятков человек.

Некоторые из этих убийств сопровождалась зверскими пытками. Среди убитых находился и ряд меннонитских бедняков, дерзнувших восстать против своих эксплуататоров. Характерно, что германские войска, обычно предоставлявшие кадетам и гайдамакам палаческую работу, в немецких колониях творили ее сами. Это происходило по просьбе немецкой, в том числе и меннонитской буржуазии, ревностно участвовавшей в розыске скрывавшихся сторонников советской власти.

Немедленно же после прихода германских войск в Молочанской и Хортицкой группах колоний началась организация пресловутых «отрядов самообороны». В первое время в этих отрядах, руководимых германскими унтер-офицерами, состояли лишь кулацкие сынки. Впоследствии, особенно к моменту ухода германских войск, в эти отряды была вовлечена и бедняцкая середняцкая молодежь.

Официальной целью отрядов самообороны было ограждение меннонитских колоний от бандитизма. Кулацкие руководители отрядов, однако, с самого начала имели в виду также и борьбу с большевиками. Первыми выступлениями отрядов самообороны были карательные экспедиции в близлежащие русские села. Чувствуя за собой поддержку германских войск, меннонитские кулаки и помещики посредством отрядов самообороны свирепо мстили русским крестьянам за их выступления против них во время пребывания у власти советов. В русских селах Чернигове, Михайловке и других соседних с Молочанской группой колоний селах еще хорошо помнят насилий «самооборонцев» во время германской оккупации. Здесь имели место пытки, побои и даже убийства подозреваемых в «крамоле» крестьян, изнасилования их дочерей, а то и просто каких-либо нравившихся им девушек и т. д.

Меннонитская буржуазия, опираясь на германский штык, показала свое настоящее кровавое лицо. Безоружные» меннониты с оружием в руках нападали на беззащитных русских крестьян, освящая свои насилия благословениями меннонитских проповедников. Принцип «безоружности», на прозрачность которого мы уже указывали, был оставлен в стороне — за непригодностью в то время. Желая спасти лицо, меннонитские проповедники заявляли, что они все еще придерживаются принципа «безоружности», но не желают оказывать давления на инакомыслящих. На деле же проповедники всецело поддерживали отряды самообороны.

В начале зимы 1918 года австро-германские войска покинули юг Украины. Отряды самообороны оказались в жутком одиночестве. Появился Махно, а за ним последовали другие бандиты меньшего калибра, ненавидевшие немцев-колонистов с давних пор. Все эти бандиты преследовали почти исключительно

уголовные цели и, понятно, ни в какой решительной связи с Красной армией не находились.

С одними только бандитами самооборонцы легко бы справились. Много раз объединенные силы самооборонцев обращали превосходившие их по численности и вооружению, но плохо дисциплинированные отряды разных «батек» в бегство. Беда заключалась в том, что самооборонцы во время германской оккупации восстановили против себя соседние русские и украинские села. Поддерживаемые некоторыми элементами населения этих сел. бандитские шайки тем самым получили базу для постоянных нападений на немецкие (в том числе и меннонитские) колонии.

К этому времени к участию в отрядах самообороны стала привлекаться вся меннонитская молодежь, включая и бедняцко-средняцкую часть ее. Прекрасно понимая, что трудно будет вовлечь меннонитских бедняков в войну против советов, руководители отрядов обещали, что борьба ведется и будет вестись исключительно против банд. Это «обещание» оказалось наглейшим обманом. Совершенно не осведомляя массу самооборонцев о своих поступках, представители меннонитской буржуазии заключили соглашение с белыми о совместной борьбе с Красной армией. Самооборонцев держали в заблуждении относительно приближения отрядов Красной армии. В течение ряда недель самооборонцы боролись против частей Красной армии в предположении, что противником являются бандиты (например, под гор. Орехово).

Последствия этой злопахательной провокации были для меннонитских колоний весьма тяжелыми. Опасаясь репрессий со стороны советских войск, многие самооборонцы, в том числе и некоторые бедняцко-средняцкие элементы, отступили на юг и все больше втягивались в открытую борьбу против Красной армии. Большая же часть самооборонцев сложила оружие и разошлась по домам.

Советская власть не смогла сразу же покончить с бандитизмом. Махно и целый ряд других банд и после того, как красные войска в начале 1919 года заняли всю Украину, продолжали свое разбойничье, контрреволюционное дело. Немецкие колонии Украины, в том числе и меннонитские, подвергаясь ужасной мести этих банд. Сотни убитых взрослых и детей, обезумевшие от диких насилий женщины и девочки-подростки — вот что обозначало след махновской банды. Целые села подверглись сожжению, а их обитатели — поголовному, зверскому умерщвлению ¹⁾. Этой неописуемо страшной рас-

1) Примером может служить участок некоторых колоний так называемой Языковской группы.

праве над немцами-колонистами подвергалось в первую очередь трудящееся население колоний. Помещики, фабриканты и большая часть кулаков, т. е. как раз непосредственные виновники, возникновения этой безграничной ненависти русских и украинских крестьян к немецкому населению, укрылись в городах или удрали с белыми в Крым.

Так меннонитские трудящиеся массы расплачивались за безусловное доверие, оказанное своим попам и кулакам.

Но, к сожалению, и этого урока было недостаточно. Когда летом 1919 года деникинцы овладели Украиной, меннонитской верхушке удалось опять втянуть меннонитских трудящихся в новые антисоветские авантюры, еще более обострившие отношения немцев-колонистов с соседним населением. Месть возвратившихся меннонитских кулаков и помещиков не уступала по своей кровавой жестокости махновским ужасам. Кулацко-помещичьи «комиссии по восстановлению порядка» являлись организаторами и пособниками, карательных отрядов.

В Деникинской армии добровольно и по мобилизации участвовало несколько тысяч меннонитов. О принципе безоружности меннонитская буржуазия и ее слуги—проповедники забыли: все кулацкие и буржуазно-помещичьи элементы активно боролись в рядах белой армии с оружием в руках. Командование белых армий, верно оценивая контрреволюционные «способности» меннонитских кулацких сынков, массами производило их в унтер-офицеры. Ученики гальбштадтского коммерческого училища, бывшие в свое время ударным отрядом самообороны, в большом числе вступали в Деникинскую армию и очень скоро, благодаря особому усердствованию в борьбе с революцией, производились в офицеры. «Безоружных» меннонитов охватил культ офицерства, характерный для прусского юнкерства.

Но вот Деникин оказался у разбитого корыта. Большая часть меннонитов, преимущественно выходцы из бедняцко-средпяцких слоев, при бегстве деникинцев дезертировала из армии и вернулась домой. В Румынию и Крым отступила почта исключительно кулацкая часть меннонитов.

1920 год. В Крыму готовится новое контрреволюционное выступление. Барон Врангель, воспользовавшись тем, что все силы измученной страны сосредоточились на отпоре белополякам, сделал вылазку из своей крымской вотчины и овладел северной частью бывш. Таврической губернии, в которой расположена Молочанская группа колоний. Хитрый барон расположил свои войска таким образом, чтобы в немецкие колонии первым вступил организованный им немецкий батальон, состоявший почти сплошь из меннонитов.

Желанный эффект от вступления в колонии конного немецкого отряда, поющего немецкие народные песни, несомненно был достигнут. Кулачество подняло агитацию за добровольное вступление в армию Врангеля. И опять значительная часть меннонитской молодежи, среди них и некоторый, правда, незначительный процент трудящихся, поддались этой агитации. Однако большинство меннонитских бедняков и середняков уже с недоверием слушало своих проповедников и кулаков и пассивно относилось к Врангелю, по мере возможности уклоняясь также от мобилизации.

Немецкий батальон впоследствии обрел печальную славу «героя» Перекопа с белой стороны. Именно он рядом с офицерскими отрядами составлял главную опору врангелевского командования при обороне Перекопа.

В меннонитских колониях других частей России, сообразно с местными социально-политическими и экономическими условиями, годы революций протекали иначе. Мы здесь не имеем возможности остановиться на всех меннонитских колониях, разбросанных по всей огромной территории Союза, а коснемся лишь двух лежащих близко друг около друга меннонитских групп колоний Сибири: Славгородской и Павлодарской.

Славгородские колонии по своему экономическому положению приближались к уровню Молочанской группы колоний. Некоторыми отличительными особенностями Славгородских колоний являлась меньшая социальная дифференциация населения самых колоний. В самом центре округа, в Славгороде, образовалась, однако, сравнительно многочисленная меннонитская буржуазная прослойка, представлявшая вместе с остальной немецкой, буржуазией города крупную силу. Во второй главе мы рассказывали о совместной их аванюре, направленной к образованию федеративной немецкой республики в Западной Сибири. Славгородская немецкая буржуазия, во главе с городским головой немецким капиталистом Фреем, вела откровенно контрреволюционную политику, которой она восстановила против себя, между прочим, и крестьянство немецких колоний округа. Меннонитская часть немецкой буржуазии проявляла меньше активности.

Когда в сентябре 1918 года в Славгородском округе крестьяне подняли восстание против колчаковских банд, к ним присоединились в большом количестве немцы-колонисты села Подсосново и др. Меннонитская же часть немецкого крестьянства держалась совершенно в стороне от движения.

Бесчеловечные жестокости атамана Анненкова и его головорезов, усмирявших крестьянское восстание, известны всем. Десятки сел были сметены с лица земли. Безжалостно

расправился Анненков и с восставшими немцами-колонистами. Меннонитские же села совершенно не трогались: кровавый атаман умел ценить холопскую верность. Славгородская меннонитская буржуазия встретила, Анненкова с распростертыми объятиями. Меннонитские буржуа наперекор друг другу старались завлечь анненковских башибузуков-офицеров к себе в дом. «Освободители» угощались на славу. Один особо ретивый меннонитский буржуа даже сумел «отличиться»;. Еще в городе были, крестьяне (8-го сентября, в день взятия Славгорода, там как раз происходил крестьянский съезд), а этот «герой» уже влез на пожарную вышку, сорвал красный флаг и водрузил белый флаг контрреволюции.

Чувствуя, что поддержка, оказанная анненковцами, не будет забыта крестьянами, часть славгородской меннонитской буржуазии при отступлении колчаковцев удрала вместе с ними.

Павлодарские колонии, образовавшиеся лишь в 1907 г., к началу революции оставались все еще очень бедными. Эти колонии были образованы бедняками-переселенцами из южноукраинских колоний, отчасти рабочими, лишившимися в результате репрессий после 1905 года работы. Крестьянство этих колоний совершенно иначе, чем славгородские меннониты, реагировало на весть о восстании в соседнем Славгородском округе. Вооруженные чем попало, они совместно с русским крестьянством двинулись было на Павлодар, чтобы свергнуть ненавистных белых. В пути крестьяне получили известие о наступлении анненковского карательного отряда на Славгород и в испуге разбежались.

Гражданская война окончилась. Но на юге все еще свирепствовал бандитизм, в результате которого колонии опять сильно пострадали. Потребовалось около двух лет, пока славной красной коннице удалось с корнем вырвать это зло. Страна окончательно перешла к мирной жизни.

Перед нами встает теперь вопрос исключительной важности. Спрашивается, каким образом, в силу каких причин удалось меннонитской верхушке увлечь меннонитских середняков и бедняков на борьбу с советами. т. е. против своих же интересов? Почему трудящиеся меннонитских колоний более или менее активно участвовали в целом ряде контрреволюционных авантюр, будучи систематически обманываемы, будут всегда той частью меннонитов, которая от этих авантюр больше всего страдала?

Здесь в значительной мере придется повторить сказанное в начале этой главы о революции 1905 года и отношении к ней меннонитских трудящихся масс. Меннонитскую бедноту

пугало безбожие новой власти. Весь быт меннонитов наполнен религиозным содержанием, все мышление окрашено в религиозные цвета. Господствовавшая меннонитская идеология отравила и меннонитскую бедноту. Единственное свое устремление, смысл своего существования она видела в продвижении вперед по пути к богатству. Безответственно используя все эти глубоко вкоренившиеся собственнические взгляды и привычки, играя на религиозно-фанатических чувствах, меннонитские кулаки и проповедники создали единый меннонитский фронт против советов. Будучи политически неграмотной, беднота совершенно не понимала происходивших вокруг событий и питалась исключительно тенденциозно лживыми объяснениями «образованных» проповедников и кулаков. Язык же советов был для нее и нов, и чужд, и непонятен... Здесь мы приближаемся к другой, весьма важной категории причин интересующего нас явления, на которую закрывать глаза не следует. Мы имеем в виду недостаточно четкую классовую и национальную политику, проводившуюся в меннонитских колониях за первые годы существования советской власти местными работниками. Возвратимся к первому гальбштадтскому совету, возникшему в 1918 году. В деятельности этого совета имели место эсеровско-меньшевицкие шатания, т. к. отсутствовало четкое большевицкое руководство. Основной его ошибкой, сразу же охладившей симпатии бедноты к нему, явилось его попустительство по отношению к анархистам, то и дело вторгавшимся в Молочанские колонии. Эти анархисты налагали на немецкие села контрибуции, подчас совершенно не считаясь с тем, кто их платит. В результате распределения такой контрибуции между хозяйствами колонии получалось, что в ее уплате участвовали середняки и бедняки. Характерен следующий факт, свидетельствующий о классово невыдержанной политике совета. О санкцией совета в феврале 1918 года в Гальбштадте анархистами был расстрелян молодой батрак Перевязенцев, протестовавший против реквизиции продуктов у кулаков. С полной очевидностью можно утверждать, что этот батрак был политически неграмотен и к тому же, возможно, соответственно «обработан» или даже спровоцирован кулаками. А рядом с Перевязенцевым гуляли на свободе меннонитские черносотенцы, среди них редактор «Голоса Мира»

Крупной ошибкой местных работников в первые годы противостояния советской власти являлось огульное обвинение всех немцев вообще, меннонитов в том числе, в кулачестве.

Будучи по национальности русскими или украинцами, местные работники не разбирались в чрезвычайно сложной политической обстановке, создавшейся в меннонитских селах. Своими выступлениями против всех немцев вообще они толкали бедняков и середняков в объятия кулачеству. К этому следует добавить, что в первые года к советскому и партийному низовому аппарату меннонитских колоний примазалось много негодных, а подчас определенно уголовных элементов.

Будь меннонитская беднота активной, эти недостатки и ошибки можно было быстро преодолеть. Но здесь-то и начинается тот порочный круг, из которого долго не было выхода. Беднота считала ошибки и недочеты местного аппарата системой; агитация кулаков укрепляла это мнение. Ошибками местных партийно-советских работников кулачество в своей агитации искусно воспользовалось. Если к сказанному еще прибавить предрасположенность меннонитов к освященному религией и историей «единению», то налицо полное и ясное объяснение печального факта вовлечения меннонитских бедняков и середняков в многолетнюю антисоветскую борьбу, борьбу поистине братоубийственную, ибо в ней ослепленный и обманутый бедняк немецкий выступал против бедняка и пролетария русского и, украинского.

Меннонитские трудящиеся всегда должны помнить те гибельные пути, на которые их увлекли их попы и кулаки; они не должны также забывать о многих тысячах тружеников, погибших на полях Украины и у ворот Крыма вследствие их глубокого заблуждения, ставшего возможным благодаря проклятой отраве — религии.

ГЛАВА IV

Меннониты и советская власть.

Потерпев поражение в своей открытой борьбе против советов, меннонитское кулачество совершенно не думало сложить оружие. С момента окончательной ликвидации контрреволюционных армий начинается полоса «мирной» борьбы меннонитской верхушки против советской власти. Далее мы увидим, как советы прямо-таки с боем должны были вырвать из-под влияния меннонитской верхушки бедняцко-средняцкую массу.

Рис. 8.
Типично меннонитское средняцкое хозяйство.

Преимущества, с которыми меннонитская верхушка вступила в «мирную» борьбу против советов, следует назвать весьма значительными. Она фактически вела за собой, за немногочисленными исключениями, меннонитские бедняцко-средняцкие массы. В ее руках остался весь аппарат идеологического руководства меннонитской массой во всем его многообразии, а именно: проповедники, религиозные учителя общеобразовательных школ, руководители и учителя детских воскресных школ, актив религиозных кружков женщин молодежи, а затем также и весь остальной, весьма многочисленный религиозный актив общин. Она имела богатейший, накопившийся в течение столетий, опыт в деле ведения за собой меннонитской массы, она прекрасно знала и понимала настроения и заботы широкой массы. Между верхушкой и бедняцко-средняцкой массой существовали многообразные нити связи, среда

которых родственные узы и личная дружба занимали и занимают далеко не последнее место. Хотя меннонитская верхушка и потеряла в результате Октябрьской революции свои промышленные предприятия и крупные имения, но все же экономическая мощь ее осталась внушительной: сохранилось кулачество, гибкое и в то же время сильное и упорное в борьбе за свои классовые позиции. Сохранилась, стало-быть, экономическая зависимость бедноты от сельских кулаков, а эта зависимость в руках последних являлась весьма важным рычагом воздействия на массу. Учителя получали от государства весьма незначительную заработную плату. Кулачество охотно платило учителю в несколько раз больше государства, обеспечивая себе таким образом покорность школы. Правда, уже в результате первых социально-экономических мероприятий советов и партии в деревне кулацкое засилье в меннонитских колониях было сильно поколеблено. Проповедники и кулаки лишились права голоса, несмотря на все сопротивление кулачества, был произведен передел земли и т. д. Том не менее, в первые годы после окончания гражданской войны меннонитские проповедники, и кулаки сохранили многие свои старые позиции, главным образом благодаря политической пассивности бедняцкой-средняцкой массы.

Противником же меннонитской верхушки являлись неопытные в работе среди меннонитов партийно-советские работники, деятельность которых долгое время протекала в обстановке почти полной изоляции от бедняцко-средняцкой массы. Потребовалась большевистская выдержка и долготелня, неутомимая работа, чтобы шаг за шагом отеснить менишескую верхушку с ее позиций, вырвать бедноту и середняков из-под ее влияния и заложить основы для развития социалистических сельскохозяйственных коллективов на месте прежних твердынь ханжества и мракобесия.

Нажимая на все рычаги своего воздействия на меннонитскую массу кулакам и проповедникам в первое время удавалось сорвать все мероприятия советской власти, направленные к переустройству села и сельского хозяйства.

Одним из наиболее действительных рычагов оказалась религиозность меннонитских масс. Мы уже видели, что религиозные убеждения совершенно не мешали меннонитам бороться с оружием в руках против революции. Наоборот, меннонитские проповедники учили, что из этих христианских убеждений вытекает необходимость активного противодействия советским властям, в то время как подчинение им является величайшим грехопадением. Нас здесь, попятно, не интересует, насколько «священное писание» допускает такого рода заключения. Мы ограничимся приведением нескольких

примеров показывающих до какой степени дикости меннонитские фанатики доходили в своей борьбе против безбожных советов.

В Миллерове (бывш. Донск, обл.), после бегства белых, на руководящих должностях на мельницах, принадлежавших меннонитской буржуазии, находились члены меннонитской братской общины. Паек и жалование, выдаваемые в то время, понятно, совершенно не удовлетворяли аппетитов меннонитских дельцов. Начались колоссальные по своим размерам кражи муки на мельницах и мельничного имущества (ремней, шелка и т. д.). Для «очистки» совести на одном собрании общины в 1920 году был поставлен вопрос о правомерности таких поступков. После подробного обсуждения вопроса община решила: «в виду того, что советская власть сама все украла, не может быть грехом изъятие краденого». В этом духе меннонитские «братья» и действовали, пока не оказались на скамье подсудимых. Большинство, однако, заблаговременно эмигрировало в Америку.

Другой пример. Старое распределение земли, при котором кулаки имели сто и больше десятков земли, а беднота оставалась без всякого земельного надела, — это распределение оказалось освященным религией, а его нарушение — кощунством и воровством! Когда в меннонитских колониях был поднят вопрос о переделе земли, то меннонитские религиозные общины выносили постановления, воспрещавшие членам общин брать кулацкую землю. Участие в таком перераспределении земли клеймилось как воровство, противоречащее восьмой заповеди. Такие постановления были вынесены, между прочим, целым рядом общин в южной Украине (напр., в Мемрике).

В борьбе с советами все средства хороши, — этот иезуитский принцип целиком воспринят меннонитской верхушкой. Следуя этому принципу, меннонитская верхушка извлекла из пыли прошлого «свое «голландское происхождение». В третьей главе мы видели, что во время германской оккупации меннонитская буржуазия Украины оставила в стороне голландскую басенку, теперь она ей понадобилась опять, но уже для новой цели. Советам заявлялось: мы голландцы, а не немцы; если вы последовательно выполняете национальную политику коммунистической партии, то дайте нам голландских партийно-советских работников, а не немецких. Цель, преследуемая такого рода заявлениями, весьма прозрачна. Число коммунистов из среды меннонитов в то время можно было чуть ли не по пальцам перечесать, а потому, следуя меннонитским требованиям, партии и советам пришлось бы почти совершенно отказаться от посылки в меннонитские колонии коммунистов. Всячески добиваясь изоляции меннонитов от общей жизни страны, в частности к от остальных немецких колонистов,

меннонитская верхушка создала свои собственные кооперативные объединения¹⁾, создавала собсжншс журналы и т. д.

Эта тенденция меннонитских вожаков изолировать себя и свои колонии особо ярко выявилась в борьбе против организации национальных советов и районов в местностях с меннонитскими колониями. Кулачество правильно учитывало, что организация национальных сельсоветов и районов повлечет за собой политическую активизацию меннонитской трудящейся массы. На особо упорное сопротивление кулачества наталкивалась работа по организации национальных районов. Дело в том, что в состав этих единиц, наряду с меннонитскими селами, обыкновенно входили и колонии иных немцев-колонистов, в среде которых партия и комсомол пользовались и пользуются несравнимо большим влиянием, нежели среди меннонитов. К тому же меннонитская верхушка опасалась, что районные немецкие работники более успешно поведут партийно-советскую работу в меннонитских колониях, нежели русские. Продолжительное и упорное противодействие, оказанное меннонитскими кулаками образованию Октябрьского района в Сибири и слиянию Гальбштадтского района (заселенного меннонитами) с Пришибским (заселенным иными немцами-колонистами) в Украине, полностью подтверждает сказанное выше. Эта борьба в той или иной форме продолжается до сих пор.

Через несколько лет после окончания гражданской войны вспыхнуло эмиграционное движение. Целый ряд меннонитских капиталистов и проповедников, бежавших вместе с белыми за границу, разъезжали по меннонитским поселениям Канады и Северо-Американских Соединенных Штатов, испрашивая кредиты для проезда меннонитов из России и Украины в Канаду. Как показывают отчеты о выступлениях этих белоэмигрантов, опубликованные в органе канадских меннонитов «Меннонитское Обозрение» («Mennonitische Rundschau»), они не жалели красок, чтобы разрисовать «ужасы» и «зверства» большевиков и тем побудить канадских единоверцев раскошелиться. Результатом этой пропаганды явилось учреждение специального общества для финансирования переезда меннонитов в Канаду и поселения их там.

В 1921—22 году меннонитские колонии юга Украины и Сибири постиг неурожай. Недоедали, а впоследствии голодали почти исключительно бедняки. Кулачество сохранило достаточное количество припасов, чтобы совершенно безбедно

1) «Союз голландских выходцев на Украине» и «Всероссийское моннонитское сельскохозяйственное общество». Подробнее о них см. дальше.

просуществовать до нового урожая. Используя «нужду бедняков, кулаки заключали всякого рода сверхкабальные сделки. В это время американские меннониты учредили специальное общество «Американская меннонитская помощь», целью которого было спасение от голода меннонитов России и Украины. Эта организация многим способствовала укреплению позиций кулачества в меннонитских колониях.

В местные комиссии по установлению нуждаемости отдельных семейств, в распределительные пункты, кухни и т. д., попадали обманным путем почти исключительно ставленники попов, кулаков и всякие иные бывшие люди, что стало возможным благодаря оторванности бедняков и середняков от советов. Само распределение американских продуктов нельзя назвать иначе, чем дикой поповской вакханалией. Почти всюду это распределение происходило не по признаку нуждаемости, а по произволу меннонитской верхушки. Известны случаи, когда меннонитские проповедники торговали американскими продуктами (напр. в Миллерово, Велококняжеском и т. д.).

Понятно, что распределение проповедниками американских продуктов, от которых зачастую зависела жизнь бедняка В его семье, поставило бедняцко-средняцкую массу в еще большую зависимость от меннонитской верхушки. Следует «отметить также, что по меннонитским колониям разъезжали меннонитские проповедники из Америки, которые читали здешним меннонитам наставления в духе буржуазной морали, расхваливали «чудесную» жизнь в капиталистической Америке и обычно, под конец своей «проповеди, выражали надежду на скорое свидание по ту сторону океана. К этому же времени (1923 г.) относятся первые шаги меннонитских псевдо-кооперативных объединений, «Союза голландских выходцев на Украине» и «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества». Одной из главнейших целей этих объединений было содействие эмиграционному движению. Каковы причины эмиграции меннонитов из СССР? — Меннонитские проповедники заявляют, что причиной эмиграции являются «гонения» на меннонитские общины и религию.

Это, понятно, чистейшая выдумка. Кое-где, правда, имела место подмена общественной борьбы с религией администрированием. Но эти ошибки быстро ликвидировались. Положение в отношении религии является как раз обратным. До самого последнего времени проповедники пользуются в меннонитских колониях куда большей свободой действия, чем это разрешается конституцией и законами. Цель выставления вперед имеющих якобы место религиозных гонений ясна.

«Мучеников» веры скорее поддержат канадские единоверцы; «идейные» причины эмиграции укрепляют престиж меннонитской верхушки в глазах меннонитской массы. Мы не отрицаем роль религии, как одной из причин эмиграционного движения, правда, в совершенно ином смысле. Иные эмигранты указывают на то, что «невозможность жить в СССР» заставляет их эмигрировать. Ниже мы пытаемся изложить, в какой мере имеют место причины религиозного и экономического характера и каковы остальные, далеко не второстепенные причины, о которых кулаки и проповедники умалчивают.

Рис. 9 Организационный комитет Всероссийского меннонитского с-х о-ва

В первое время эмигрировали преимущественно всякого рода бывшие люди и кулаки, затем религиозные учителя, проповедники и прочие представители меннонитской интеллигенции, другими словами, часть религиозного актива общин, который в результате революции лишился своих прежних привилегий.

Причины, побудившие вышеупомянутые категории лиц эмигрировать, ясны. Потеряв в результате революции свои богатства и возможность эксплуатировать рабочих и бедняков, фабриканты и

помещики искали страну, где меньше всего угрожала революция. Именно такую страну они видели в консервативной Канаде.

Теряя почву под ногами, проповедники и религиозные учителя эмигрировали из боязни быть разбитыми в борьбе с советским влиянием в меннонитских колониях. Авторам известны десятки случаев, когда религиозные родители уезжали в Канату с тем, чтобы спасти своих «заразившихся» большевизмом детей. Теряя одну позицию за другой, эти группы ратовали за общий «исход» меннонитов из СССР.

Впоследствии стали эмигрировать и некоторые беднячко-средняцкие элементы меннонитских колоний. Причины эмиграции этих категорий представляют для нас особый интерес.

Нельзя упускать из виду, что меннонитские колонии в 1924—25 гг. еще не оправались от тяжелых последствий голодного года. На юге СССР у всех меннонитов в памяти остался жуткий период махновщины, повторением которого меннонитские проповедники пугали свои общины.

Часть меннонитских середняков в результате перераспределения земли между немецкими и соседними русскими или украинскими, селами получили меньшие наделы, чем они их имели прежде. Правда, эти наделы оставались все еще многим больше земельных наделов соседних русских или украинских крестьян, но меннонитский середняк часто отчаивался найти выход из своего бедственного положения (после голодного года и бандитизма) при уменьшенном земельном наделе. При интенсификации сельского хозяйства (введении трудоемких культур, переходе на улучшенное землепользование и т. д.) и, главное, при коллективных формах работы и поддержке советского государства, меннонитскому середняку, несомненно, очень быстро удалось бы поднять свое хозяйство и даже превзойти свой довоенный жизненный уровень. Но реакционность меннонитской идеологии сказывалась и в хозяйственной рутине, в нежелании менять формы хозяйствования. Довоенное благосостояние меннонитского кулака а отчасти и середняка, основывалось в значительной мере на дешевизне рабочих рук на сельском рынке труда. Правда, в меннонитских колониях сельскохозяйственная техника достигла сравнительно высокого уровня, тем не менее, однако, дешевый труд русских и украинских батраков являлся весьма существенным элементом хозяйственной жизни.

Теперь же меннонитский середняк должен был забыть о старых методах работы. Но собственническая натура меннонита противилась идее коллективизации. Помощь государства в широкой мере не использовывалась, т. к. меннониты держались в стороне от советов.

Далее, следует учесть и мотивы религиозного характера. Используя ошибки местных органов власти, кулаки и проповедники усиленно кричали о преследовании меннонитской секты. Упомянутая нами выше боязнь за отходящую от религии молодежь в значительной мере наблюдалась и наблюдается и у некоторой части бедняков и середняков.

Известно, что, агитируя среди меннонитской массы за эмиграцию, кулаки и проповедники далеко не все эмигрировали. Агитация в пользу эмиграции носила определенно характер политической демонстрации. Ставя советские органы перед фактом эмиграции тысячи трудящихся меннонитов, меннонитская верхушка тем самым думала добиться существенных уступок в отношении религиозной школы, самоуправления меннонитских колоний и т. д.

Наконец, не следует забыть и тот отвратительно-подлый обман, жертвой которого стали середняцкие и бедняцкие эмигранты- меннониты. Кулаки, проповедники и агенты пароходных обществ, получавшие проценты за каждого эмигранта, разрисовывали «блаженства» Канады в самые радужных красках. Меннонитским эмигрантам сулили фермы (на поездку через океан вышеупомянутое общество канадских меннонитов — по названию «Боард» — давало средства в кредит). Прибывавших в Канаду меннонитских трудящихся после всех лелеянных надежд и иллюзий постигло жестокое разочарование. Число «счастливых», получивших фермы, оказывалось крайне незначительным и ограничивалось кулаческими элементами. К тому же получая в Канаде — в условиях сельскохозяйственной депрессии — фермы на кабальных условиях, новые фермеры совершенно не могли надеяться когда-либо расплатиться с банком, контролирующим всю их деятельность. Участь большинства эмигрантов еще менее привлекательна. По приезде в какой-нибудь Виннипег меннониты иммигранты по указанию агентов «Боарда» выстраивались в ряд. Извещенные о приезде «русских» или «красных» (бедные меннониты они там попали в большевики!), фермеры обходили ряды прибывших и выбирали себе среди них рабочих. Вся обстановка носит характер торговли рабами. По настояниям «Боард» меннониты-иммигранты должны сразу же поступать на работу и начать уплату долга с нарастающими процентами. Незнакомые с местными условиями, не знающие английского языка, иммигранты вынуждены принять первые же предложения фермеров, «выбирающих» их. Дикая эксплуатация иммигрантов заставила многих написать своим родным и знакомым в СССР предостерегающие письма. Немало их вернулось бы, но не может этого сделать по двум причинам: кабала «Боарда», т. е. долг за переезд в Канаду с процентами, и отсутствие

средств на обратный путь... Об этом факте свидетельствуют письма эмигрантов-меннонитов. Кулаки и проповедники по мере сил скрывают такие письма, или же отрицают их правильность. В приложении I к данной книге дается характерное для разочарованных эмигрантов письмо из Канады.

Эмиграционные волны, то спадая, то опять поднимаясь, бушуют по сие время. Этот факт является грозным симптомом все еще имеющего место религиозно-кулацкого влияния на трудящуюся массу, он говорит о недостаточно активной Массовой работе советов и патриии среди меннонитских бедняков и середняков, о недостаточном вовлечении их в работу советов на местах, о слабой работе по разоблачению меннонитских проповедников и т. д.

Выше мы уже указывали на меннонитские псевдо-кооперативные объединения: «Союз голландских выходцев на Украине» и «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество». Значительная часть вины в том, что эмиграционное движение приняло такой значительный размах, падает на эти объединения и лица, руководившие ими. Слепо верующая авторитетам меннонитская масса слишком легко поддается гипнотизирующему влиянию своих столичных «величин», т.-е. заправил из правления меннонитских псевдо-кооперативных объединений. О правленцах обоих объединений рас-пускались слухи, что они якобы пользуются полным доверием центральных советских работников. Хвастаясь своими «связями», "Правление Союза «голландских выходцев на Украине» в одном из своих обращений к меннонитам в 1925 году изобразило члена ВУЦИК'а Лобанова в роли генерала—друга меннонитских вожаков, который в свое время являлся ходатаем меннонитов при царском дворе. Само собой разумеется, что агитация таких «авторитетов», козырявших своими «связями», в пользу эмиграции производила на политически малограмотных меннонитских колонистов большое впечатление. Одному из авторов удалось лично побывать на своеобразном митинге иммигрантов, состоявшемся в колонии Александродар (Армавирского округа) в 1925 году во второй день пасхи. Митинг происходил во дворе школы под руководством члена правления «Всер. менн. с.-х. о-ва» Корн. Абр. Де-Фера. Сей «кооператор» предвещал остающимся в СССР меннонитам гибель. произвести должный эффект, он во всех падежах склонял «мы в Москве» и перечислил добрый десяток наркомов, которые «нас в Москве» приняли и т. д. Характерно, что почти все члены правления обоих объединений также эмигрировали в Канаду. Скатертью дорога!

Оба названные объединения обязаны своим возникновением стремлению меннонитской верхушки изолировать меннонитские

колонии от партийно-советского влияния. Членами обоих объединений могли быть только меннониты. Правда, в примечании к § 9 устава «Всер. менн. с.-х. о-ва» говорится:

«По представлению отделения и по постановлению съезда могут быть приняты в общество и не меннониты».

Но отделения общества никогда не принимали лиц, проявивших себя активными сторонниками советской власти и партии. Показательно, что в обоих объединениях, назвавших себя кооперативными, не состояло ни одного коммуниста!

Рис. 10. Митинг в селе "Красные сады" (быв. Великокняжеское), Армавирского округа.

Да иначе оно и не могло быть. Ведь и в отделениях этих объединений и в их правлениях «работали» проповедники, кулаки, бывшие фабриканты и проповедники, всякого рода спекулянты и темные личности, одним словом свора, объединявшаяся на платформе общей ненависти ко всему новому, революционному.

Никакой кооперативной работы эти объединения не вели. (Исключение представляют некоторые местные кооперативы, являвшиеся здоровыми и работоспособными; эти кооперативы первыми вышли из состава этих объединений; целый ряд деятельных кооперативов в меннонитских колониях с самого начала отказался вступить в эти объединения, считая их гнилыми и псевдо-кооперативными). Присвоив себе административные функции, правления этих объединений занимались рядом с эмиграционными делами защитой кулацко-поповских интересов. Обходя местные органы власти, меннонитская верхушка со всеми своими делами обращалась в правления

мнимо-кооперативных обществ, которые по этим делам сносились непосредственно с центральными правительственными органами Москвы и Харькова.

Следующей «славной» функцией правления этих объединений была спекуляция. Все коммерческие операции обоих объединений носили бесстыдно-спекулятивный, торгашеский характер. Получив для снабжения меннонитских колоний 14 вагонов мануфактуры, правление «Всер. менн. с.-х. о-ва» перепродало их частникам. Кооперативная марка объединений продавалась всякому спекулянту оптом и в розницу. Такую операцию, например, «Всер. менн. с.-х. о-во» проделало с авантюристом Петерсом в селе Давлеканово (Башреспублика). За пользование кооперативной маркой Петерс уплачивал невзыскательной проститутке—«Всер. менн. с.-х. о-ву»— сорок процентов чистой прибыли. Поставив во главе «Всер. менн. с.-х. о-ва» героя левых фраз. П. Фрезе, меннонитская буржуазия под шумок слабоумных разговоров о «религиозном социализме» делало свое контрреволюционное дело по разжиганию эмиграционного огня.

Правления обоих объединений являлись также ходатаями религиозных меннонитов по делам освобождения от строевой службы в Красной армии. В первое время своего существования эти объединения занимались также и другими религиозными делами: содействие организации религиозных конференций меннонитских общин, помощь при получении религиозной литературы из-за границы и т. д. В качестве примера такой чисто религиозной деятельности приводим факт рассылки правлением «Всер. менн. с.-х. о-ва» воззвания «Меннонитского обозрения», реакционнейшего листка, американских меннонитов, по поводу созыва всемирного конгресса меннонитов. Впо-следствии они отреклись от дальнейшей религиозной работы, не прекращая ее однако втайне.

Верхушка обоих объединений поддерживала теснейшую связь с пресловутой меннонитской «комиссией по религиозным делам». Да оно и неудивительно. Ведь "председатель «Союза голланд. вых. на Украине» был проповедник, члены правления «Всер. менн. с.-х. о-ва» состояли членами религиозных общин. Характерно, что заведывающий культурно-просветительным отделом последнего общества активно сотрудничал в органе меннонитских проповедников — «Наш листок» (Unser Blatt). Взаимоотношения между болтливыми пустозвонами, горе—социалистами из правлений и стоявшими за ними отъявленными контрреволюционерами как нельзя лучше определяются метким изречением рабочего Ивана Алексеевича в романе Шолохова, цитированном нами уже в третьей главе:

- Рука руку моет, а с обеих грязи мотыкой не соскребешь.

Как ни сильно было еще влияние проповедников и кулаков в меннонитских колониях в 1924—26 гг., но деятельность меннонитских «кооперативных» объединений, и в первую очередь махинации их правлений, оказалась чересчур реакционной даже в глазах религиозной меннонитской массы. Одно отделение за другим заявляло о своем выходе из этих объединений и принимало нормальный кооперативный устав, вступая этим в общую кооперативную семью СССР. В феврале 1926 г. по постановлению съезда представителей мест был ликвидирован «Союз голландских выходцев на Украине». Два года спустя тихо скончалось «Всерос. меннонитское с.-х. общество» после того, как решительно все входившие в его состав местные кооперативы покинули его.

Переходим теперь к чисто религиозным организациям меннонитов. Здесь следует в первую очередь назвать «Комиссию по религиозным делам», являющуюся общей организацией всех меннонитских религиозных общин. Эта комиссия развила за истекшие годы весьма энергичную деятельность. Она созывала религиозные конференции, в течение ряда лет она издавала свой журнал «Наш листок» и т. д. Интересно отметить, что съезд меннонитских общин, имевший место в 1925 г., обратился со специальной декларацией к тов. Калинину. На этом же съезде были одобрены требования, предъявленные «Ком. по рел. делам» сов. правительству (см. приложение II).

В первой главе мы назвали главные религиозные течения среди меннонитов. Наиболее стройным среди этих течений является организация меннонитских церковных общин в Хортицком районе (Украина, Запорожский окр.). Во главе общин района стрит своеобразный патриарх — старшина (Aeltester). Ему подчинены проповедники, работающие в отдельных общинах. Проповедники время от времени собираются для совместного обсуждения вопросов религиозной работы, сам старшина совершает инструкторские поездки по району и т. д. В других меннонитских поселениях между собой борются несколько религиозных течений, в связи с чем организация общин не является цельной.

Специальных объединений религиозных кружков молодежи в масштабе района или даже республики не имеется. Религиозные кружки молодежи поддерживают, однако, тесную связь друг с другом, пользуясь для этого либо общей религиозной организацией (проповедниками), либо сносясь непосредственно друг с другом.

Весьма интересен вопрос о связи меннонитской верхушки с белоэмигрантами. Мы уже указывали на тот факт, что бежавшие

с белыми проповедники развернули в Америке агитацию за помощь меннонитам СССР в деле эмиграции. Меннонитская верхушка поддерживала постоянную и очень оживленную связь с этими людьми. Следует также обратить внимание читателей на деятельность двух пройдох с широкой дороги, именующих себя в Германии «представителями русских меннонитов». Эти лица—поп Вениамин Унру и авантюрист Александр Фаст долгое время состояли на содержании правления «Всер. менн. с.-х. о-ва» в качестве «заграничных представителей». В Унру является одним из главнейших сотрудников издающейся в Германии Меннонитской энциклопедии». Сей многотомный «труд» является поистине: рекордом мракобесия и ханжества, сравнимый разве только со знаменитыми «Письмами темных людей» далекого средневековья. На поддержку таких людей тратилась трудовая копейка меннонитского бедняка и середняка...

Нас совершенно не должно удивлять, что такой человек, как Унру, поддерживался «Всер. менн. с.-х. о-вом». Но не слишком ли далеко зашла меннонитская верхушка, если ее заграничные представители без ведома советского правительства вступили, например, в переговоры с прусским министерством народного просвещения по поводу условий приема меннонитских кулацких сынков в прусские высшие школы и т. д.? Всему существует предел господа попы и К-о!

ГЛАВА V.

Общий облик меннонитского сектанства в настоящее время.

Как ни крепка меннонитская замкнутость и обособленность, но завоевания Октябрьской революции проникли также в отдаленнейшие уголки меннонитской действительности, пропитывая и наполняя ее новым содержанием.

Вся жизнь меннонитских колоний в настоящее время стоит под знаком напряженной классовой борьбы, разгорающейся по мере освобождения меннонитской бедняцко-средняцкой массы от влияния поповско-кулацкой верхушки, по мере советизации колоний. Особо обострилась классовая борьба в меннонитских колониях вокруг текущих политических кампаний (хлебозаготовки, сельхозналог, госзаймы, самообложение), а также вокруг вопросов коллективизации. В условиях меннонитской деревни эта борьба крайне осложняется фактом относительной устойчивости религии по сравнению с русскими селами. Советская власть создала, однако, в колониях необходимые предпосылки для успешности начавшейся борьбы бедняцко-средняцкой массы против кулаков и проповедников.

С тех пор, как закон божий изгнан из школ, меннонитские проповедники потеряли значительную часть своего влияния на детей. С тех пор, как в колониях и в немецкой печати СССР началась антирелигиозная пропаганда против меннонитских сект, известная часть учительства и молодежи отошла от церкви и сама начала вести борьбу против сектанства. Впервые за всю историю меннонитов в их собственной среде образовался кадр безбожников, открыто разоблачающих меннонитский «мирок». В прежнее время это были единицы, с которыми успешно боролись проповедники, объявляя им бойкот, изгоняя их из меннонитского общества. Сегодня же

они представляют уже известную силу, которую не удастся побороть прежними методами.

Молодежь начала успешно обучаться в советских школах II ступени, в техникумах, она проникает также в советские вузы и возвращается отуда безбожной. Меннонитские учителя проходят курсы по переподготовке и также в значительной части возвращаются безбожными. Меннонитские помещики и промышленники перестали существовать, и вместе с тем исчезла самая могучая опора религии. Церковь потеряла свою исключительную власть над каждым шагом меннонита.

Перед лицом этих фактов меннонитские секты развернули за последние годы бешеную религиозную пропаганду. В первые годы после революции они всеми силами старались не выпускать школы из своих рук. Учителя, бывшие одновременно проповедниками, тайно продолжали преподавать закон божий. Они же по воскресеньям устраивали в помещении школы занятия воскресной (религиозной) школы. Во многих случаях прибегали к хитростям. Так, например, в Забаровской школе II ступени (Павлодарский уезд, бывш. Семипалатинской губернии) еще в 1922—23 учебном году вместо закона божьего преподавалась «этика» и «история меннонитов» (последняя под видом истории своею «народа»).

В настоящее время меннонитские школы почти очистились от подобных предметов. Зато усилилось «воспитание» молодежи вне школы. Организовано бесчисленное множество разных кружков; кружки юношей, девушек, смешанные кружки молодежи, литературные, драматические, музыкальные, хоровые и др., деятельность которых направлена против комсомола и кружков безбожников. В свое время существовало объединение этих кружков наподобие «Бапсомола». Занятиями кружков руководят проповедники. Основным предметом является изучение библии, но чтобы занятия были интересны и привлекали бы побольше молодежи, их разнообразят художественными, формами работами.

За последнее время начали даже устраивать слеты религиозной, организованной в названных кружках молодежи. Такой слет весной этого (1929 г.) имел место в Хортице. Съезжалась вся религиозная молодежь из всех колоний района, устраивались торжественные собрания с проповедями. Это был настоящий смотр религиозных сил, на котором обменивались опытом по религиозной пропаганде и давались указания и директивы для дальнейшей работы. В прошлом году аналогичный слет состоялся в одной из захолустных колоний Гальбштадтского района. В этом слете участвовало до 800 человек.

Среди участников слета насчитывалось около 100 человек музыкантов.

Противопоставляя ячейкам комсомола и кружкам безбожников свои кружки, меннонитские проповедники создали также свои детские организации, свои детские площадки и сады. В 1921 г. такие площадки для детей дошкольного возраста были основаны в некоторых молочанских и крымских колониях. Детям здесь сообщалась азбука меннонитской религии, но вместе с тем устраивались игры, хоровое пение, декламация, детские праздники и т. д. Все это делалось для того, чтобы дети не скучали и чтобы собрать возможно больше детей.

Что же касается воскресных школ, то они, как известно, официально запрещены. Но проповедники нашли другие формы религиозной работы, среди детей школьного возраста. Во-первых, детей чаще берут на общие религиозные собрания в молитвенных домах. Во-вторых, родителей заставляют читать с детьми библию, молиться с ними, вести беседы на религиозные темы и т. д. В-третьих, создается новый тип воскресных школ — нелегальные маленькие школы в частных домах. Какой-нибудь учитель или какая-либо учительница бывших воскресных школ собирает детей своего и соседних дворов и занимается с ними у себя дома.

Вся эта работа среди детей направлена против пионерского движения. В этой борьбе проповедники доходят до самых контрреволюционных наглостей. Вот случай, происшедший в Хортицкой семилетней школе: здесь недавно была организована группа пионеров, в которую вошло около 30 детей из более или менее бедных семей. Велико было удивление организаторов, когда спустя несколько дней две трети детей попросили вычеркнуть их из пионерского списка. Оказалось, что за всем кроется хортицкий проповедник Тевс, посетивший родителей пионеров и определенно заявивший им, что община вынуждена будет лишить их всякой материальной помощи, которая, по его словам, всегда была больше, нежели помощь, оказываемая советом. Родители должны были решить: или совет, или церковь. Многие предпочли второе ...

Для подготовки богословско подкованного кадра проповедников, могущих, в случае необходимости, выступать на диспутах с антирелигиозниками, в крымской колонии Чонграв была открыта библейская школа, своего рода богословский ВУЗ. Организатором был бывший миссионер И. Винс, в свое время распространявший христианство среди индусов. Все остальные преподаватели также были «крупными» проповедниками, при чем некоторые из них получили, высшее богословское образование в Гамбурге (Германия),

Учебный план, управление школой — все было построено по образцу гамбургской библейской школы. Преподавались не, только богословские науки, а также математика, физика, химия, биология в т. д., при чем все эти науки, конечно, приспособлялись к библии. Такая же школа несколько позднее была открыта в молочанской колонии Орлово. Эти школы, однако, просуществовали недолго, хотя все-таки успели выпустить несколько десятков проповедников, работающих ныне во всех крупнейших группах колоний.

Самыми рьяными пропагандистами являлись до последнего времени разъезжающие платные проповедники. Таковыми обыкновенно назначались самые способные ораторы, знающие хорошо психологию религиозной массы и методы религиозного воздействия на нее. Как только становилось известным, что в таких-то колониях «неблагополучно», что число верующих тает, так градом на них сыпались эти разъезжающие проповедники. К каким только средствам они ни прибегали! Проповедник говорил об ужасах ада и радостях рая, и все это иллюстрировал загадочными плакатами. При хороших ораторских способностях и некотором знании древне-еврейского языка оратор производил ошеломляющее впечатление: он говорил, что завтра, быть может, уже наступит конец мира, что спасение возможно только сегодня, что все, не пришедшее к богу, будут низвергнуты в бездны ада, и эффект получался еще больший, когда ад назывался древне-еврейским словом «шеол». Невежественная масса приходила в религиозный экстаз, начинались массовые покаяния, а через несколько недель устраивались праздники крещения, на которых крестили новопришедших к Христу. Один сибирский проповедник, некий Валл, несколько лет тому назад разъезжал таким образом по славгородским и павлодарским колониям и в некоторых колониях одурманивал до 100 человек. Были раже случаи умопомешательства (так, например, в кол. Надаровке, Павлодарск. уезд, — где один парень после его речи сошел с ума). Этот Валл прибегал даже к такого рода иллюстрациям к своим проповедям: на стол клались бумажки и железные опилки; затем он к кучке приближал магнит, которым притягивались лишь опилки; эксперимент кончался тем, что бумажки раздувались по всему помещению. «Так, говорил Валл, и Христос приблизит к себе всех верующих, а безбожников разнесет, как я эту кучку бумажек.»

К новым методам религиозной пропаганды относится также обработка призываемых в Красную армию. Известно, что меннониты по религиозным убеждениям освобождаются от военной службы. И вот проповедники перед каждым призывом прилагают все старания к тому, чтобы завлечь всех, не

желающих отбывать строевую службу, в свою общину. Это прекрасное средство для искусственного увеличения секты. Но проповедники пошли еще дальше. Они начали выдавать свидетельства о религиозных убеждениях даже не принадлежащим к секте лицам. Советский суд веря этим свидетельствам, освобождал таких лиц от службы, в Краской армии. Долгое время об этих ухищрениях проповедников ничего не знали, но в прошлом году (1928 г.) эти преступления были раскрыты крымской меннонитской молодежью, подавшей за 42 подписями заявление о желании служить в Красной армии на общих основаниях. В этом заявлении говорится, что и им, т.-е. подписавшим этот документ, были предложены такие свидетельства, хотя они и не принадлежали ни к одной из меннонитских сект. В этом документе проповедники называются преступниками, политиканами, и лицемерами. Но, и эта молодежь еще не вполне отрешилась от религиозного дурмана. Она обвиняет проповедников в политиканстве, но в то же время старается обосновать свой отказ от меннонитского принципа ношения оружия всей той же библией, указывая на то, что и Христос иногда разрешал прибегать к мечу. Это обстоятельство еще раз показывает, насколько крепко власть религии над меннонитами.

За этим документом в августе месяце настоящего (1929) года последовал другой, на этот раз подписанный 18-ю крымскими проповедниками. В этой декларации сами проповедники приходят к выводу, что меннонитам разрешается служить в Красной армии и с винтовкой в руках защищать СССР.

Каковы причины такого выступления, противоречащего всем меннонитским принципам?

Вопреки угрозам и наставлениям проповедников молодые бедняки и середняки меннонитских колоний стали поступать в Красную армию, на строевую службу. Прошлогодняя декларация меннонитской молодежи наглядно показывает, что влияние проповедников идет на убыль. И вот, под давлением этих обстоятельств, под напором трудящейся массы, проповедники отказались от самого основного пункта меннонитского вероучения. Желая сдержать процесс советизации меннонитской бедняцко-средняцкой массы и укрепить свое руководящее положение, меннонитские проповедники и сделали этот маневр. Немецкая советская пресса блестяще разоблачила это лицемерное выступление проповедников, и в результате последние скомпрометировали себя самым жалким образом.

С другой стороны, уже слишком противоречива политика меннонитских проповедников. Ведь в годы германской оккупации и гражданской войны с их благословения были организованы отряды

самообороны (см. главу III). Ясно, что возврат к старой форме отказа от ношения оружия определялся лишь враждебным отношением проповедников к советской власти. С особенной силой этот факт дошел до сознания бедняцко-средняцкой массы. В Крыму проповедники потерпели полное поражение. Почти такое же положение мы имеем в Молочанском районе. Здесь свыше половины всей молодежи идет в Красную армию. Работа местных партийных и комсомольских организаций в этом направлении весьма успешна. Для призываемых в Красную армию устраиваются специальные семинарии, на которых ведется антирелигиозная пропаганда и разъясняется вся глупость отказа от ношения оружия. Гораздо сильнее проповедники в Хортицком районе. Здесь в прошлом году нашлось лишь 27 человек, согласившихся служить в Красной армии (на общих основаниях). Хортица — центр «старо-меннонитской церкви», а последняя чисто католическим способом держит в страхе и трепете меннонитскую массу. Желających служить в Красной армии форменным образом выбрасывают из меннонитского общества, их ни один проповедник не венчает, ах травят сплетнями и т. д.

Громадную роль в перевоспитании меннонитской молодежи играет новая советская школа. В каждой меннонитской колонии имеется четырехлетняя трудовая школа. Затем идут семилетки, имеющиеся на каждые 5—10 колоний. Для окончивших семилетку существует целый ряд профшкол и техникумов: сельскохозяйственные, технические, медицинские педагогические и т. д. С каждым годом увеличивается число поступающих в украинские и центральные ВУЗ'ы.

Меннонитская средняцко-бедняцкая молодежь, прокладываящая себе при поддержке советской власти, партии и комсомола дорогу в школы II ступени, техникумы и ВУЗ'ы возвращается оттуда безбожной. Дело, понятно, не обходится без борьбы. Религиозные элементы меннонитских колоний кое-где активно сопротивляются поступлению молодежи в советские средние и высшие учебные заведения. Попадавшие раньше в эти школы кулацко-поповские подголоски являлись здесь проповедниками господствующей меннонитской идеологии. Некоторые немецкие педагогические техникумы представляли долгое время арену напряженной борьбы с этими элементами. В настоящее время в эти учебные заведения благодаря классовому отбору попадают лишь дети бедняков и середняков, в силу чего эти школы дадут преданных советской власти и партии строителей новой деревни.

Не вполне благополучно обстоит еще дело с учительством. Во многих колониях еще орудут старые учителя.

Удалось установить, что в молочанских колониях около 30% меннонитского учительства являются верующими. В хортицком педтехникуме еще год тому назад работали такие учителя, как Г. Эпп и А. Зудерман — ярые меннониты (первый — брат духовною старшины, вторая — автор шовинистического учебника). Большинство учителей этого района отказалось вести преподавание в научном антирелигиозном духе и даже отказалось включить в учебный план историю Октябрьской революции. Выступление этой части хортицкого учительства вызвало резкое осуждение со стороны всей немецкой советской общественности.

Рис. 11. Заключительная сцена из постановки „Интернационала" в Самарской школе.

Рядом с этими открытыми защитниками религии следует упомянуть и о тех группах учителей, которые под видом несогласия с методами антирелигиозной пропаганды также противодействуют борьбе с религией. Но как бы то ни было, это старое меннонитское учительство отживает свои последние дни. Мы уже отметили, что курсы переподготовки учителей оказывают весьма благотворное влияние на «стариков»-учителей. Что же касается упорно отстаивающих меннонитские позиции педагогов, то они в ближайшие годы полностью будут заменены свежими, молодыми

силами, выходящими из педагогических техникумов и ВУЗ'ов.

Из вышесказанного вытекает, что 12 лет советской власти и для меннонитов не прошли даром., что меннонитская деревня советизируется и влияние партии и комсомола растет.

Что это так — доказывается историей меннонитских сельскохозяйственных обществ (Союза голландских выходцев на Украине и Всероссийского меннонитского с.-х. общества — см. IV гл.). Бедняцкие и середняцкие массы сами отпали от этих кулацко-религиозных организаций и этим вызвали их ликвидацию. Укажем еще раз на отказ крымских проповедников от принципа ношения оружия, который также был вызван бедняцко-середняцкими массами, осознавшими в момент военной опасности на Дальнем Востоке свою обязанность стать на защиту социалистического отечества.

Партийцев среди меннонитов еще весьма мало. Значительная доля их падает на новое учительство. Иначе дело обстоит с комсомолом. Во всех крупнейших колониях имеются комсомольские ячейки, объединяющие подчас большую часть бедняцкой молодежи. Значительный процент комсомольцев ямеется среди учащихся. Работа ячеек среди беспартийной молодежи ведется успешно. Укажем хотя бы на пример Гальбштадтской (Молочанской) ячейки. В 1920 году в Гальбштадте в проведении МЮД'а участвовало уже 30% всей беспартийной молодежи. Цифра эта растет из года в год. Об успешности работы комсомольских организаций свидетельствуют постоянные призывы меннонитских проповедников к подражанию методам комсомольской работы в религиозной пропаганде ореди молодежи. Вот что писая недавно один из виднейших проповедников на Украине: «Действительно парализовать эти влияния (здесь подразумевается безбожие, «дух времени» и т. д. Авторы) и развить положительную работу можно будет лишь ценою отказа от нашей теперешней безразличной неорганизованной практики, когда мы наконец-то начнем работать по примеру наших противников (подчеркнуто нами. Авторы), т.-е. сознанием определенных целей, с широкой организованностью, энергией и готовностью жертвовать чем угодно».¹⁾

Все вышеперечисленные успехи, достигнутые в области политического перевоспитания меннонитских бедняцких и середняцких масс являются, однако, совершенно недостаточными. Влияние кулачества и проповедников в общественной, хозяйственной и культурной жизни меннонитских колоний

¹⁾ Цитировано по W. Frischbutter. «Der deutsches Jugend über den VIII Kongress des LKJV». Zentral-Völker-Verlag. 1928.

все еще весьма сильно. Лучшим подтверждением этого факта является организованное кулачеством и проповедниками эмиграционное движение. Последнее представляет собой в условиях меннонитских колоний особую форму классово-борьбы. Перед лицом этих фактов следует со всей определенностью подчеркнуть, что местные советские и партийные органы развивают совершенно недостаточную активность по вовлечению меннонитских бедняков и середняков в советское хозяйственное и культурное строительство.

Когда то, в прошлом веке, меннониты, несмотря на свою замкнутость, являлись еще некоторым фактором, ибо они дали много нового в сельском хозяйстве. Но сегодня, когда рабочий класс и трудовое крестьянство под руководством партии приступили к социалистическому переустройству сельского хозяйства, когда ряд крупнейших районов Союза осуществил сплошную коллективизацию, эта замкнутость меннонитских крестьянских хозяйств становится причиной того, что меннониты начинают отставать в развитии сельского хозяйства.

Мы уже знаем, что эта обособленность полезна кулаку. Пока сильные меннонитские традиции, пока меннонитская беднота будет им верна, до тех пор кулак будет жить спокойно, будучи уверен, что религиозные трудящиеся меннониты готовы поддерживать его как своего «брата». Повторяем еще раз, что в этом кроются причины всех разговоров меннонитских проповедников и кулаков о том, что меннониты — особая «нация». Поэтому-то они и сопротивляются организации смешанных немецко-колониальных меннонитских районов.

Организация такого смешанного района имела место в прошлом году, когда объединялись Молочанский меннонитский и Пришибский немецко-колониальный районы. Меннонитские попы и кулаки всеми силами старались доказать право меннонитов на свой район. Утверждали, что с немцами-колониальцами у меннонитов не может быть никаких общих интересов. Они, меннониты, ведь самые культурные сельские хозяева, они представляют собою совершенно особую хозяйственную группу, как так их можно объединить с этими «лентяями» — немцами-колониальцами! А все дело в том, что в Пришибском районе беднота сильнее, чем у меннонитов; Пришибский район сам проделал революцию, и меннонитские кулаки боялись этой бедноты. ¹⁾

¹⁾ Совсем иное отношение мы видим у меннонитов к русским и немецко-колониальским баптистам и евангелистам. Здесь они не признают никаких национальных различий и видят в каждом баптисте своего «брата». Такие отношения начались еще в довоенное время, когда меннонитские издатели сотрудничали с баптистом Прохановым и Петер-

Революция уничтожила власть помещиков и промышленников, национализировала землю и создала этим экономическую предпосылку для успешной борьбы с религиозно-кулаческим влиянием. Организацией национальных сельсоветов и районов меннонитские бедняк и середняк привлекаются к строительству

Рис. 12. Праздник первой борозды в одной из меннонитских колоний северного Кавказа.

Советской страны: они учатся сами управлять своими делами и перестраивают свою хозяйственную жизнь и свой быт на новых основаниях. Со всей этой работой по социалистической перестройке деревни должна быть тесно связана непосредственная антирелигиозная пропаганда. Посмотрим же, что делается в этом отношении.

бурге. Ныне меннониты («братская община») во многих местах даже организованно связалась с баптистами и устрашают регулярные совместные богослужения. Это тоже один из способов укрепления своей секты.

ГЛАВА VI.

Антирелигиозная пропаганда среди меннонитов.

В дореволюционное (время никакой антирелигиозной пропаганды среди меннонитов не велось. Всякий подозреваемый в безбожии просто выкидывался из меннонитского общества. Ему объявляли бойкот в обществе, про него создавались разные сплетни, его травили, и кончалось тем, что такие люди навсегда уходили от меннонитов. Известно много случаев, когда молодые меннониты уходили учиться в германские и русские университеты, а оттуда уже больше не возвращались.

Поскольку вся печать тоже служила проповедникам, то не могло быть и речи о какой бы то ни было антирелигиозной пропаганде через газеты и журналы.

Положение резко изменилось после революции. Возникли новые немецкие коммунистические газеты («Гаммер унд Пфлуг» в Одессе, «Роте Фане» в Москве, «Дер Дорфрат» в Омске и т. д.), открывшие огонь по религии. Выпускались антирелигиозные листки, печатались антирелигиозные брошюры и т. д., но надо сказать, что меннонитам уделялось не особенно много внимания. Велась общая антирелигиозная пропаганда.

За последние годы постановка антирелигиозной пропаганды в печати значительно улучшилась. Немецкая секция при Центральном издательстве народов СССР (в Москве) выпускает значительное "количество" антирелигиозной и популярно-научной литературы. «Немецкая центральная газета» в Москве уже несколько лет под ряд ведет систематическую работу по разоблачению меннонитского сектантства и освещает борьбу бедняков и середняков, особенно молодежи, против кулачества и проповедников. В Харькове крестьянская газета «Дас нойе Дорф», газета для молодежи «Юнг-штурм» и пионерский листок. «Ди Тромпете» также, ведут весьма успешную повседневную борьбу против религиозно-кулацкого влияния в меннонитской деревне.

В Харькове же издается антирелигиозный журнал «Нойланд».

Но антирелигиозная печать должна быть комбинирована с непосредственно-практической антирелигиозной пропагандой в самих колониях. Эту, низовую антирелигиозную пропаганду долгое время вели немецкие партийные секции и комсомольские ячейки. Но в последнее время, когда в связи с успехами советизации процент безбожников увеличился, началась организация кружков безбожников. В некоторых колониях эти кружки охватывают уже часть бедняцко-средняцкой молодежи и подрывают работу религиозных кружков.

Надо сказать, что антирелигиозная пропаганда среди меннонитов чрезвычайно затрудняется характерным для сект фанатизмом и «научным» обоснованием религиозного мировоззрения. Нередко меннониты просто отказываются от чтения антирелигиозных книг, журналов и газет. В одной крымской колонии регулярно вырезывались и сжигались естественно-научные беседы из «Немецк. центр. газеты»; боялись, что газета может попасть в руки детей и молодежи. В сибирской колонии Надаровка местный проповедник собрал как-то у школьников все учебники истории и вырвал из них первую страницу, на которой был изображен питекантроп и говорилось о первобытном человеке.

Проповедники во всю распространяют свою религиозную литературу, вытаскивают из своих запыленных библиотек старые книги немецких антидарвинистов, как-то: Рейнке, Деннерта, Бетекса и друг. и раздают их молодежи. На богослужениях произносятся лекции про дарвинизм, «доказывается» ненаучность эволюционного учения и материализма, при чем делаются ссылки на разных «ученых», вроде названного Бетекса, получившего звание профессора от какого-то немецкого князька, или иезуита-зоолога Васмана. Есть в Сибири проповедник Шмидт, который: разъезжает по колониям и устраивает «научные» доклады, в которых утверждает, что дарвинизм и материализм за границей уже давно забыты и лишь варвары-большевики еще придерживаются этих учений. Более «просвещенные» проповедники, обучавшиеся до войны в Гамбургской или Вазельской богословских семинариях или окончившие крымскую библейскую школу, разъясняют своим слушателям, что и дарвинизм в конце-то концов не противоречит библии, поскольку под днями творения следует понимать целые геологические периоды, и последовательность творений в библии такая же, какая установлена учеными-дарвинистами для эволюции органического мира. Они идут на эту «уступку», но затем добавляют, что всем этим еще не отрицается существование бога, что все то, что говорится о естественном

происхождении животных и растений, является вымыслом ученых-фантазеров и советских-безбожников, что мир все-таки сотворен богом.

Таким путем проповедники создают большие препятствия для антирелигиозной пропаганды.

На помощь антирелигиозникам и кружкам безбожников приходит культурная и хозяйственная революция, происходящая в меннонитской деревне.

Во всех крупных колониях имеются клубы с комсомольскими секциями. Эти клубы проводят культурно-просветительные кампании, устраивают литературно-художественные вечера и лекции, борются за новый быт, являются рассадниками спорта и успешно вовлекают в свою работу бедняцкую и середняцкую молодежь. Там, где хорошо работают клубы, в религиозных организациях остается одна лишь кулацкая и поповская молодежь.

Все большее значение приобретают избы-читальни, посещаемые не только молодежью, но и бедняцко-середняцким крестьянством.

В больших колониях работают постоянные кинотеатры, Вокруг кино-театров идет сильнейшая борьба. Проповедники всеми силами удерживают молодежь от их посещения, противопоставляя им свои религиозно-художественные кружки.

Важно также отметить антирелигиозное значение тех кооперативов и колхозов, которыми руководят политически сознательные батраки и бедняки, так как они ведут к гибели религиозно-хозяйственные организации меннонитов. Особо большую роль в борьбе с религией должна сыграть подлинная советская коллективизация, ибо она, во-первых, уничтожает какую бы то ни было зависимость бедняка и середняка от проповедника и кулака, а, во-вторых, бедняцко-середняцкое крестьянство через тракторизацию и усовершенствование сельскохозяйственной техники убеждается в необходимости доверяться не небу, а науке.

Тут следует упомянуть о колхозах и с.-х. артелях, находящихся в руках кулаков и проповедников. Непосредственной целью этих колхозов является скрытие кулацких доходов от обложения и сохранение господствующего положения кулаков и проповедников. Беднота в этих колхозах экспатируется по-старому. Отсюда надо сделать вывод, что очищение колхозов от кулацких элементов в условиях меннонитских колоний является особо необходимым.

Число безбожников в меннонитских колониях за последнее время заметно возросло. В Хортицком районе, где имеется около 20-ти колоний, насчитывается около 300 организованных

безбожников. В Молочанском районе имеется 6 крупных ячеек безбожников (в колониях Гнаденфельд, Вальдгеим, Гальбштадт, Лихтенау и Орлово) с несколькими сотнями членов. Весьма важным является тот факт, что большая часть населения меннонитских колоний стоит на перепутье, т.-е. не принадлежит ни к одной из религиозных сеют, но в то же время еще не решается окончательно порвать с меннонитским «мирком».

Но как бы то ни было, атеистическая революция в меннонитской деревне только еще началась. Надо идти дальше в намеченном направлении. Надо завоевать всех религиозно-безразличных «меннонитов». Львиная доля работы тут падает на кружки безбожников. Их теперь еще мало. Но пройдет еще несколько лет, и не будет колонии, где бы партии и комсомолу, при содействии безбожной части бедняцко-средняцкой молодежи, не удалось бы создать такие кружки.

По мере укрепления влияния партии и советов в меннонитской деревне и роста политической активности меннонитских батраков, бедняков и середняков, по мере расширения социалистического сектора сельского хозяйства и дальнейшего развертывания антирелигиозной пропаганды, будет исчезать тот «мирок», в тисках которого меннонитским колониям грозит экономический и культурный застой.

Отмирает меннонит-сектант, а на его место становится культурный, опытный, аккуратный и упорный крестьянин-коллективист — сознательный советский гражданин и активный участник социалистического строительства.

ГЛАВА VII.

Меннониты в Америке и других странах.

Меннонитов можно встретить не только в СССР, Германии и Голландии, но также в Америке, Франции, Швейцарии и т. д. В Америку меннониты переселились непосредственно из Голландии, затем из Германии и, наконец, как мы видели, из России, так что там их теперь даже больше, чем в СССР.

Численно меннониты распределяются следующим образом по разным странам¹⁾:

СССР.....	100.000 человек ²⁾
Голландия.....	60.000 „
Германия.....	20.000 „
Франция.....	1.000 „
Швейцария.....	1.500 „
Галиция.....	800 „
Соединенные Штаты.....	140.000 „
Канада.....	40.000 „

Всего на земном шаре около 360 — 370 тысяч, меннонитов.

Меннониты во всех странах расщепились на множество сект. В Соединенных Штатах число меннонитских сект доходит до 14-ти. В Канаде почти то же самое.

Интересно отметить, что американские меннониты не похожи на русских меннонитов в отношении отчужденности от своих соседей. Политически и национально они считают себя американцами, названию же «меннонит» придается лишь религиозное значение. То же самое мы видам в Германии: здесь

¹⁾ Данные заимствованы из «Mennon. Lexikon», Frankfurt a. M.

²⁾ Сюда входит и те группы немцев-колонистов, которые про-исходят из меннонитской среды, но меннонитами по существу не являются.

меннониты — ярые немецкие националисты, они активно участвовали в империалистической войне. Объясняется это весьма просто.

В Америке и Германии социально-экономические различия между меннонитами и другим населением очень малы. Русские же меннониты всегда были богаче нежели окружавшее их население. Не только в религиозности, но и в этих социально-экономических отличиях от русского населения кроются причины их замкнутости и отчужденности (что это обстоятельство играло несомненную роль, это доказывается отчужденностью меннонитов также от немецко-колониетского населения, среди которого было очень много бедноты).

Во всем мире меннонитские сектанты зарекомендовали себя в качестве ярых сторонников реакции. Отсюда понятно, что лучшей страной в мире они считают Америку, страну «обезьяньих процессов» и электрического стула. Понятно также, почему русские меннонитские помещики и промышленники сразу же после революции укатили в Америку. По той же причине им последовали многие проповедники, кулаки и религиозные старики. Здесь они с радостью присоединились к общему хору клеветников на СССР. Американская менно-нитская газета («Menn. Rundschau» — «Меннон. Обзорение») ведет уже в течение многих лет злобную кампанию лжи против СССР.

Своим бессильным лаем им, однако, не остановить социалистического строительства в СССР!

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Настоящая книга уже была написана, когда эмиграционное движение в меннонитских колониях вновь усилилось. Характер этой новой вспышки полностью подтвердил те выводы о причинах эмиграционного движения, которые нами сделаны выше.

1929 год был годом бурного развития колхозного движения в деревне. Тяга бедноты и середняков в колхозы особо сильна в немецких поселениях СССР, где к концу 1929 года уже около 40% всех хозяйств были объединены в колхозы. Наряду с этим классовая борьба приняла особо острые формы. Подавляющее большинство батраков и бедняков объединилось в борьбе за окончательную ликвидацию кулацкого засилья в меннонитских колониях.

Спасаясь от наступления «своих» же односельчан, освобождающихся от груза меннонитской идеологии, меннонитские кулаки и проповедники объявили «исход» всех верных меннонитским идеям людей из СССР. Эта пропаганда поддерживалась безответственными обещаниями некоторых националистических кругов Германии. Впоследствии ряд проповедников в своих письмах в газету «Безбожник» и «Немецк. центр. газету» признали, что взрыв эмиграционного движения, наблюдавшийся в осенние месяцы 1929 г., был подготовлен пропагандой проповедников.

Благодаря заманчивым посулам, проповедники и кулаки, поддерживаемые из-за границы, смогли увлечь за собой некоторые группы середняцкого населения.

В результате этой кампании в осенние месяцы 1929 г, в окрестностях Москвы скопилось несколько тысяч немцев — меннонитов-в ожидании выезда за границу. В большинстве своем эмигранты состояли из кулаков и проповедников.

В связи с эмиграцией этих групп заграничная буржуазная и социалфашистская печать подняли бешеную травлю

против СССР. В германской печати было опубликовано, например, отвратительное по своей фальши воззвание германского красного креста «Brüder in Not!» (братья в нужде). Германские буржуа, которым дела нет до голодной жизни миллионов безработных своей страны, проливали крокодиловы слезы об «ужасной» судьбе своих собратьев из меннонитских колоний.

Шумиха, поднятая безответственными германскими шовинистами вокруг эмиграции нескольких тысяч кулаков, заметно стихла, когда те же круги, которые способствовали провоцированию эмиграционного движения, очутились перед необходимостью на деле помочь эмигрантам, которым советская власть дала разрешение на выезд. Германские «братья» помогли... В концентрационных лагерях, в которых содержатся эмигранты на германской «родине», в результате скверных условий жизни, возникли разные эпидемии. Число жертв этих эпидемий достигают ста человек.

Еще хуже обстоит дело с вопросом, куда «сбыть» эмигрантов. Первоначально предполагалось использовать их в качестве батраков в Восточной Пруссии и Силезии для замены ими польских батраков. Помещики этих округов хотели использовать меннонитов для еще большего снижения зарплаты сельскохозяйственных рабочих. Судя по последним сообщениям, этот проект теперь отпал.

Та сторона, на которую наши горе-путешественники возлагали столько надежд, — Канада отказалась принять эмигрантов. Отрицательный ответ ожидаете и из Бразилии, где замечается сильный рост безработицы и где испугались вспыхнувших среди эмигрантов эпидемий. В поисках рынка, куда можно было бы «сбыть» меннонитов, некоторые немецкие газеты остановились на бывших германских- колониях в Африке. Следует отметить, что первые немецкие колонисты, поселившиеся там во время царствования Вильгельма, почти все погибли в боях с туземцами или же от лишений. Не подлежит сомнению, что и новых колонистов ожидает та же участь.

Меннонитские кулаки и проповедники оказались у разбитого корыта..

Несмотря, однако, на это поражение своих собратьев, оставшиеся в СССР меннонитские кулаки и проповедники продолжают свою агитацию за эмиграцию меннонитов весной этого (1930) года из СССР, дабы тем самым сорвать меро-приятя партии и Советской власти по весенней посевкампании.

Выше мы уже упомянули, что эмиграция нескольких тысяч меннонитских кулаков и их приспешников была использована для травли СССР. В этом отношении меннонитские кулаки и проповедники дали врагам СССР новый повод для их бессильного лая. Сами «мученики» (кулаки и проповедники) давали разным бульварным листкам, в роде социал-демократического «Абенд», смехотворные интервью о советских «ужасах». О меннонитах говорили и во французском парламенте, и в САСШ и в Лондоне, Своей клеветой на СССР меннонитские кулаки и проповедники думали завоевать себе поддержку буржуазии капиталистических стран.

Надежды оказались тщетными. Вдоволь насытившись «сенсацией», европейская буржуазия отвернулась от меннонитских эмигрантов, оставив их с пустыми руками. Тем временем батрацкая, бедняцкая и середняцкая масса немецкого села окончательно порывая с религией, активно строит новую социалистическую деревню.

Нашим ответом на контрреволюционные происки меннонитских кулаков и проповедников должна быть борьба за полное осуществление директивы, партии об организации батраков и бедняков, за очищение низовых органов власти, кооперации и колхозов от кулаков, за развитие колхозного строительства, за уничтожение кулачества как класса путем беспощадного раскулачивания. Всю эту работу надо вести, опираясь на батраков и бедняков в союзе с середняками и усиливая пролетарское руководство меннонитской деревней.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

"Рабство, какого не знала даже царская Россия".

(Письмо из Канады).

«Бесконечные степи и леса, возникшие за ночь города. Страна бедности и эксплуататорского общественного строя; внешний лоск и ужасающая нищета безработных: богатство верхушки и бедность, какой не знала Россия: великое множество церквей благотворительных обществ — а рядом преступность и ханжество, как нигде в мире; рабство, какого не знала даже царская Россия. Непрестанный нажим на совесть и душу — вот вам основные черты Канады.

Канада является прекрасной страной для 10% населения; остальные 90%, оторванные от родной земли, мечутся без руля и без ветрил по обширной канадской пустыне. В силу этого следует использовать все, все, все возможности для предупреждения дальнейшей иммиграции в Канаду. Я лично в меру сил буду работать в этом направлении.

В хозяйственном отношении Мексика представляет еще худшие условия для поселения, хотя там к немцам, относятся дружелюбнее. Во многих случаях иммиграция русских, как нас здесь называют, является просто самоубийством. Многие старые колонисты, потеряв в Мексике все свое имущество, вынуждены вернуться обратно. Речь идет о тех старых колонистах, которых разорило «демократическое» канадское правительство за отказ отдать своих детей в английские школы, и которые вследствие этого переселились в Мексику.

Не следует забыть, что этим колонистам канадское правительство при их иммиграции обещало полную свободу в религиозных и школьных вопросах. Они, эти колонисты, способствовали превращению Канады в плодородный край; в знак «благодарности» их же превратили в нищих в буквальном смысле этого слова.

Я знаю, что мое письмо удержит лишь немногих меннонитов, ослепленных лживыми сказками о канадских блаженствах, но я считаю своим долгом сделать все, что в моих силах, чтобы предупредить их.

Россия является страной с неисчерпаемой богатой почвой; во главе ее стоит миролюбивое правительство. Здесь же следует каждую минуту опасаться того, что Великобритания, этот великий хищник, затеет новую войну, в которой все мы тогда должны будем принять участие. Все привилегий тогда полетят к черту. Вместо земли мы получаем здесь камни, вместо домов — скотные дворы.

Привожу здесь статистические данные о безработице. Данные эти касаются главнейших городов: В число безработных входят лишь трудоспособные взрослые:

	Число жителей	Безработных
Квебек.....	120.000	6.000
Оттава.....	250.000	20.000
Мон-Реаль.....	750.000	80.000
Виннипег.....	300.000	30.000
Саскачеван.....	30.000	2.450
Ванкувер.....	180.000	12.000
Эдмонтэн.....	105.000	20.000

Эти цифры касаются лишь больших городов; в маленьких городах и деревнях положение еще более скверное. Тем не менее правительство развивает широкую иммиграционную кампанию и привлекает ежегодно от 150 до 180 тысяч иммигрантов в Канаду, преимущественно из Европы. Когда мы прибыли в Виннипег, мы чуть не подверглись самосуду со стороны безработных. Они были страшно возмущены и заявляли нам: «Мы сами не имеем работы, а тут еще и вы плететесь сюда». На вокзале в Саскачеване некоторые из тамошних меннонитов встретили нас с таким приветствием: «Русскими ворами (как здесь именуют новых иммигрантов) следует зарядить пушку и выстрелом препроводить их обратно». Это, понятно, не являлось ободряющим приветствием, тем более, что я в течении 3 лет ждал в СССР момента эмиграции, и после мытарств и скотского обращения с нами в дороге надеялся на лучший прием.

Преобладающая часть иммигрантов желает возвратиться в СССР. Там бы они воздали «хвалу» канадской «свободе». Они достаточно отведали американскую культуру и разузнали Америку, где они несмотря на - неимоверное прилежание и бережливость, остались нищими.

Для многих меннонитов Канада является лишь промежуточной станцией на пути в САСШ. Но новый иммиграционный закон,

принятый в августе 1924 г., разбивает все их старания и надежды. Все иммигранты по этому закону распределяются не по признаку их национальности или настоящего местожительства, не по признаку их места рождения. Непосредственно из России можно куда легче попасть в САСШ, нежели из Канады. Многие канадцы дожили здесь на расстоянии одной мили от американской границы до старых лет и напрасно ждут разрешения на иммиграцию в САСШ.

Положение фермеров также не является завидным. Этому особенно способствовала последняя война. Земля принадлежит объединениям крупных землевладельцев, как например, «Гудзон-Бай К⁰»; названной компании принадлежит около четверти всей земельной площади. Цены на землю весьма высоки: целинные луга стоят от 20 до 30 долларов за акр. Цены на хлеб являются в сравнении с другими ценами весьма низкими. За бушель (1 ½ пуда) пшеницы платили 1 доллар 17 центов. Телега же стоит до 300 долларов.

Лес также очень дорог. Так например, простой меннонитский сарай стоил бы около 4000 долларов.

Предметы первой необходимости почти вчетверо дороже, чем в СССР. Мельницы имеются лишь в больших городах. В силу этого фермер вынужден покупать муку. Мука же. стоит чуть не в 3 раза дороже, чем такое же количество пшеницы.

Налоги велики. Так, с одной фермы приходится платить: подоходного налога — около 50 долларов, школьного налога— 15 долларов и т. д.

Высокие цены на землю не позволяют фермеру стать когда-нибудь владельцем земли. Во всей Канаде лишь 1/640 часть фермеров не имеет долгов. С задолжавшимися же фермерами обращаются крайне строго, и тысячами их, доведенных до состояния нищих, выбрасывают на улицу. Страна еще мало застроена, но тем не менее очень трудно получить работу. Работу можно найти лишь после 1—1 ½ месячных поисков. Американцы, однако, Достаточно безжалостны, чтобы выбросить безработного на улицу, хотя бы даже в середине зимы.

Многие русские иммигранты приобрели здесь фермы в кредит. Будущность этой категории иммигрантов является, однако неопределенной. Циркулируют слухи, будто крупные фермеры хотят использовать неопытность иммигрантов и расторгнуть договор о покупке ферм. Во многих местах такие случаи уже имели место. Немыслимо, чтобы иммигрант преуспевал там, где канадцы, состарившиеся здесь в борьбе за существование, разоряются.

Короткое лето заставляет фермера выбиваться из сил; продолжительная же и суровая зима поглощает все сбережения, накопленные за лето. Для разорившегося фермера остается лишь один выход - искать работу.

Молотьба производится в последних числах октября. Часто в это время уже выпадает снег. Обычно во время молотьбы стоят уже холода: работая с утра до вечера, рабочий не чувствует этого холода. Отдыха в течение дня не бывает, так как машина не должна работать на холостом- ходу.

При продаже зерна фермеров часто обманывают самым подлым образом; устанавливаются все более низкие цены; часто фермеров обвешивают.

Компании по скупке хлеба обогащаются, так как они, владея элеваторами, держат фермеров, в своих руках и благодаря этому диктуют им произвольные цены. Фермер вынужден продать свой хлеб, так как он, во-первых, нуждается в деньгах, а во-вторых, не имеет собственных амбаров и поэтому должен платить за хранение.

В прошлом году в Виннипеге образовалось общество фермеров, поставившее себе целью самостоятельный сбыт зерна своих членов. Этому обществу пришлось вести отчаянную борьбу за свое существование. Капиталисты и спекулянты всяческими способами добиваются ликвидации упомянутого общества.

Одним из крупных препятствий, с которым приходится бороться фермерам, является обилие камней на полях. Сколько ни подбирай камней (мы на 20 десятинах собрали 100 подвод) — это препятствие неустранимо. По этой причине рабочие то-и-дело падают с плуга и сноповязалки на землю. Я сам два раза падал с плуга и при этом получил тяжелые ушибы. Вечерние поездки к костоправу считаются здесь обыденным явлением.

Большинство населения — англичане. Господствующий язык тоже английский. В школах все преподавание ведется на английском языке. Все обучение пропитано прославлением английского колониального могущества.

Ввозимые немецкие книги облагаются колоссальными пошлинами, составляющими большую сумму, нежели стоимость самих книг. По этой причине лишь немногие в состоя-нии выписывать немецкую литературу».

Примечание. Автор этого письма, учитель Г. Леткеман, еще находится в плену меннонитской идеологии, и поэтому он не в состоянии сделать правильные выводы из обрисованного им положения меннонитов-переселенцев и назвать настоящих виновников злосчастной эмиграции: проповедников и всякого рода бывших людейю Письмо является однако, характерным выражением того глубокого разочарования, которое постигает переселенцев из СССР, променявших возможность быстрого культурно-хозяйственного прогресса в СССР на прозябание в положении бездомных, осужденных на гибель людей.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

В начале 1925 года в Москве при ближайшем участии правлений меннонитских лжекооперативных объединений происходил съезд представителей всех меннонитских общин (независимо от принадлежности к той или иной религиозной группировке). Съезд обратился к тов. М. И. Калинину со специальной, насквозь лживой декларацией. Одновременно съезд обсуждал меморандум, адресованный меннонитской «комиссией по религиозным делам» ЦИК'у СССР. В этом меморандуме советскому правительству предъявляются требования на следующие права:

«§ 1. Устраивать всякие религиозные собрания и собеседования в молитвенных и частных домах, как для взрослых так и для детей».

§ 2. Устраивать специально для детей и молодежи всякого рода собрания религиозного характера, хоры, преподавание закона божия и вероучения в тех же помещениях по § 1.

§ 3. Организовать детдома для детей меннонитов с воспитанием христианского характера.

§ 4. Удовлетворять нужды общин печатным словом, как библиями, так и руководствами и пособиями и вообще литературой, не исключая периодической.

§ 5. Организовать библейские курсы для подготовки и усовершенствования духовных учителей.

§ 6. Признать школу нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии, учителям же предоставить право лично располагать своею частною жизнью и по своему усмотрению принимать или не принимать участия в жизни и строительстве общины.

§ 7. Освободить меннонитов как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения, заменив эту службу общепользными работами для государства.

§ 8 Заменить присягу простым обещанием верности в службе.

Съезд меннонитских общин принял по поводу этих требований следующую резолюцию:

«Затронутые в меморандуме, поданном 23 мая 1924 г. комиссией по религиозным делам ЦИК'у СССР (8 пунктов), затрагивающие самые основные вопросы из жизни меннонитских общин, съезд считает минимальным условием, от удовлетворения или неудовлетворения которого зависит дальнейшее существование меннонитов, как религиозных общин, и поручает комиссии по религиозным делам и впредь работать в том же направлении».

Спрашивается, кто дал поповскому съезду полномочия на предъявление советскому правительству такого ультиматума?

Следует отметить, что эти требования предъявлялись в самый разгар эмиграционного движения. Эту обстановку меннонитская верхушка использовала для предъявления своего ультиматума с целью оказать давление на советское правительство.

Лучшим ответом на эту контрреволюционную вылазку меннонитских проповедников является решение V Всесоюзного съезда советов об изменении конституции в сторону запрещения религиозной пропаганды.

ИММИГРАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МЕНЮИГОВ В РОССИИ ЗА ВРЕМЯ 1789 1910

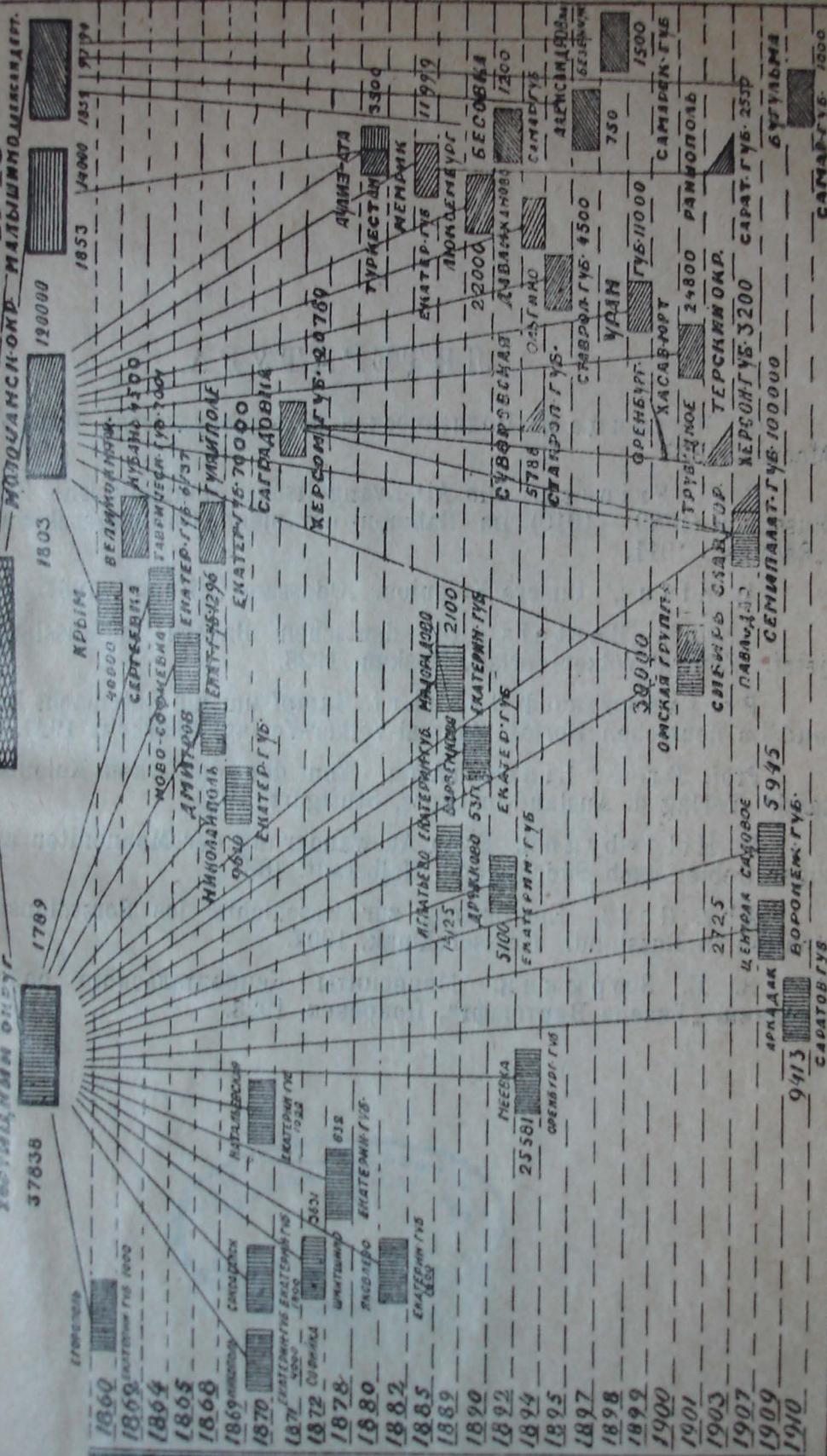

Рис. 13.

ЛИТЕРАТУРА.

Ф. Путинцев. Политическая роль сектанства. Изд. «Безбожник», Москва. 1923.

P. M. Friesen. Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789 —1910) im Rahmen der menn. Gesamtgeschichte. Halbstadt, "Raduga"- 1911

A. Klaus. Unsere Kolonien. „Odessaer Zeitung", 1887.

Bernh. Bartels. Die deutschen Bauern in Russland einst und jetzt Zentral-Völker-Verlag, Moskau, 1928.

Protasow und Gebhart. Kampf um die Rätcmacht in der Ukraine und im deutschen Dorfe. Zentral-Völker-Verlag, Charkow. 1927.

Prof. Dr. K. Lindemaan. Von den deutschen Kolonisten in Russland. Verlag d. Ausland-Institute, Stuttgart. 1924.

P. Hildebrand. Erste Auswanderung der Mennoniten aus dem Danziger Gebiet nach Südrussland. Halbstadt, 1898-

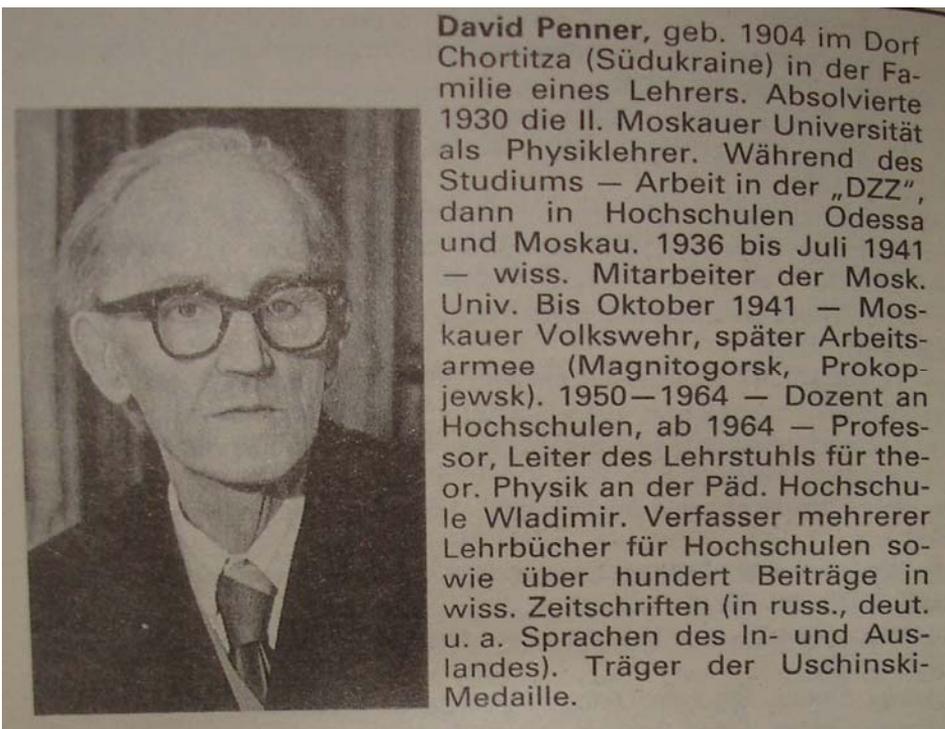
Abr. Görz. Ein Beitrag zur Geschichte des Forstdienstes der Mennoniten in Russland. Gross-Tokmak, 1907.

В. Е. Зюрюкин. Меннониты Кеппентальского района Немреспублики. „Унзере Виртшафт", Покровск. 1923."

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение-. Кто такие меннониты.....	3
Глава I. Меннониты в России.....	11
Глава II. Меннониты и империалистическая война ..	25
Глава III. Меннониты и Октябрьская революция.....	31
Глава IV. Меннониты и советская власть.....	46
Глава V. Общий облик меннонитского сектантства в настоящее время.....	59
Глава VI. Антирелигиозная пропаганда у меннонитов ..	69
Глава VII. Меннониты в Америке и друг странах.....	73
Послесловие.....	75
Приложение.....	78
Приложение II.....	83
Приложение III.....	85
Литература.....	86

Давид Пеннер- псевдоним - А. Рейнмарус

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ф Е З Б О Ж Н И К

МОСКВА СРЕТЕНКА 10 ТЕЛ. 41-98